

Алексей Котов

Лебединая охота

Алексей Николаевич Котов
Лебединая охота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24888100

Аннотация

Повесть о двух последних днях и штурме монголами города Козельска в мае 1238 года...

Лебединая охота

«Яко ум крепкодушный имеют людье в граде, словесы лестными невозможно бе град прияти. Козляне же свет сътворише – не вдатися Батью, рекше, яко аще князь наш млад есть, но положим живот свои за нь и zde славу сего света приимше, и там небесные венца от Христа бога приимем».

Галицкий летописец об осаде Козельска монголами в мае 1238 года.

1.

Утро 11 мая в монгольском лагере началось с переполоха. Китайский мастер Хо-Чан понял это, едва выйдя из палатки, но сначала он успел удивиться тому, что не увидел возле палатки своего помощника Лю-Чо с парой рабов. Две тяжелых связки сыромятных ремней на плечах китайского мастера горбом подпирали щеки, и Хо-Чану пришлось оглядываться по сторонам в поисках помощника, тяжело ворочая головой. Сначала, из-за узкого обзора, монгольский лагерь показался ему подозрительно пустым, а потом он услышал странные звуки, похожие то ли на шум падающей под косой травы, то ли на тупые удары о землю сбрасываемых с телеги

мешков.

Хо-Чан замер и насторожился... В сердце холодной змейкой вполз беспричинный страх. Он чуть наклонился вперед, аккуратно положил у входа в палатку свой груз, но не выпрямился, а принялся отряхивать штаны на коленях. Пара осторожных взглядов налево и направо – теперь уже не стиснутых до ширины ладони ношей на плечах – наконец-то прояснили ситуацию. Уравновешенный и смирный Хо-Чана снова удивился, но на этот раз не столько суете в лагере, а тишине, в которой она происходила. Среди бесчисленного количества повозок, юрт, арб с длинными, задранными вверх оглоблями, метались люди с тревожными, перепуганными лицами. Одни из них по-рыбьи разевали рты, другие – уже запыхавшиеся – не закрывали их совсем, но ни те, ни другие не издавали ни звука. Спокойными и деловитыми казались только монголы. Если воины других племен куда-то бежали, стараясь укрыться в юртах или за ними; под телегами или в ворохах сена на них, то небольшие группки монголов неторопливо шли, о чем-то тихо переговаривались между собой и без лишней суеты, даже с ленцой, оглядывались по сторонам.

Хо-Чан медленно выпрямился, и какое-то время постоял возле палатки, рассматривая непроницаемые лица монголов. Никто не спешил в его сторону и никто не показывал на него пальцем. Китаец успокоился и, взглянув на хмурое, низко нависшее над землей небо, заставил себя думать

о возможном дожде, о том, что нужно укрыть катапульты и кострах, которые придется разжигать под торопливо собранными навесами. Катапульты и баллисты постоянно были в работе или в дороге, без должного присмотра небрежно ремонтировались, и теперь, обстреливая Козельск с предельно дальнего расстояния, часто ломались. У машин ослабевали и рвались натяжные ремни, выскакивали из пазов изношенные валы, а на самой большой, которую Хо-Чан любовно называл «цветком черной розы», грозил развалиться на части собранный кое-как маховик-противовес. Работы, как всегда было много, надвигающийся дождь увеличивал ее объем, но приказы Великого Хана Бату не в первый раз оспаривали волю Неба.

Какое-то время Хо-Чан ждал Лю-Чо и рабов. И только сообразив, что переполох в лагере как-то повлиял на то, что они не пришли, не без горечи решил, что день начинается неудачно.

Кто-то дико закричал за его спиной. Крик показался настолько близким, что китаец невольно вздрогнул, но оглядываться не стал. Крик перешел в хрип, затем в жалобные и сдавленные слова на непонятном языке. Мимо, появившись из-за спины Хо-Чана, прошла группа монголов – человек десять. Ни один из них не взглянул в сторону китайца. Был ли среди них тот, кто кричал, Хо-Чан не увидел, потому что снова принялся старательно отряхивать колени. Он решил скользя взглядом только вслед воинам – их тяжелые,

широкие спины были похожи на стену.

Монголы никогда не устраивали резни в лагере, предварительно не объяснив ее причины. Как правило, это происходило рано утром. Объявив приказ Великого Хана, монголы ждали час, пока весть достигнет самого отдаленного края лагеря, и только потом приступали к его выполнению. Пару лет назад Хо-Чан стал свидетелем расправы над отрядом уйгуров, состоящим из пяти сотен воинов. Почти все они были на площади, когда глашатай объявил волю Великого Хана и только десяток больных и раненных бойцов оставались в своих палатках. Хо-Чану врезались в память бледные лица обреченных воинов. Когда глашатай окончил говорить, уйгуров никто не тронул... Монголы ждали и спокойно смотрели на то, как уйгуры группками расходятся в разные стороны. Эти стайки людей становились все меньше: сотни дробились на полусотни, потом на десятки и те таяли прямо на глазах, растворяясь в толпе разно племенного народа. Кто-то спешил к лошадям, зная, что у них есть какое-то время, чтобы скрыться, другие искали начальников, чтобы те просили Великого Хана о помиловании, и эти последние вскоре снова образовали огромную группу едва ли не из трех сотен человек. Монголы не обращали внимания ни на тех, ни на других. Когда к ним обращался кто-то из уйгуров (в том числе и кто-то из их командиров), монголы лениво и молча усмехались в ответ, пожимали плечами или просто отворачивались.

Охота на уйгуров началась ровно через час. В огромном лагере не было паники, потому что все знали, кого ищут. Тех приговоренных, которые направились к юрте Великого Хана (близко их не подпустили), монголы посекали мечами и расстреляли из луков, отдавая предпочтение стать палачами молодым бойцам, в том числе и не монголам. Более опытные воины, не без радостного возбуждения, предпочли участвовать в погоне за сбежавшими. Конная охота обещала быть долгой, не простой и это еще больше веселило монголов.

На этот раз Хо-Чан легко догадался о причине гнева Великого Хана Бату. Вчерашний бой у стен осажденного Козельска оказался очень трудным, закончился не удачно, хотя, в сущности, не являлся штурмом, а только очередной подготовкой к решительному натиску. Монголы продолжили яростный обстрел городских стен из катапульт и баллист, осажденные забрасывали проломы в стенах связанными бревнами, и главной задачей атакующих было растащить эти завалы и расширить бреши в стенах. Монголы привязывали к огромным пикам с крюками на концах толстые веревки, стреляли ими из баллист в груды бревен и застрявшие там пики тащили запряженные цугом лошади. Но связанные между собой крест на крест бревна плохо подавались, веревки рвались, а лошади скользили копытами по мокрой от дождя земле. Более толстые веревки не годились, потому что утяжеленные заряды просто не долетали до городских стен. Штурм прервал сильный ливень. Воины вязли в грязи, луч-

ники, обслуга баллист и катапульт почти не видели стен города, а поскольку прицел изношенных машин приходилось поправлять после каждого выстрела, они просто перестали стрелять, чтобы не задеть своих.

Ливень ослабел только к семи вечера, и Великий Хан приказал возобновить бой. Сильно похолодало и продрогшие воины нехотя поплелись по своим отрядам. Особенно неохотно шли к стенам Козельска кипчаки-лучники. Их задача состояла в том, чтобы как можно ближе подобраться к городу, и не давать защитникам заделывать бреши. После дождя в наспех засыпанный ров снова пришла вода, и кипчакам приходилось стоять едва ли не по пояс жидкой грязи. Щиты из толстых досок, предназначенные для защиты от стрел врага, всплывали, ложились на бок, открывая тех, кого они должны были защищать. Возобновленный после дождя бой шел вяло и быстро кончился, когда кипчаки попятились от стен Козельска. Крюки, застрявшие в бревнах, снова рвали мокрые веревки и их концы, как плети, стегали по спинам пятившихся лучников.

«Плохо вчера все кончилось, – подумал Хо-Чан. – Слишком плохо!»

Китаец оставил тяжелую связку сыромятных ремней возле палатки – не самому же ему было тащить их – и, выбрав самую широкую и прямую дорогу, (она проходила рядом и вела в сторону северной части лагеря) двинулся в путь. Китаец шел не спеша, старательно придерживаясь середины пу-

стой дороги. Суета и ужас отшатнулись от него в глубину лагеря, за бесчисленные юрты, палатки и телеги.

Вскоре Хо-Чана обогнал воин, судя по всему, кипчак. Он был без оружия, без шлема, доспехи не были застегнуты и несколько длинных веревочек змейками били по его взмокнувшей от пота рубашке на спине. Коротконогий воин бежал медленно и неуклюже, сильно припадая на одну ногу. Кипчака догнали три монгола, повалили на землю и несколько раз ударили по лицу. Пойманный затих, прикрывая лицо руками, его подняли, ударили еще раз – коленом в живот – и когда человек скорчился, монголы потащили его к центру лагеря.

«Он мог пойти и сам, – стараясь сохранить спокойствие, подумал Хо-Чан. – Зачем бить человека, а потом волочить его?»

Рассуждая так, китаец продолжил свой путь. Дорога повернула направо, и Хо-Чан увидел группку монголов из семи-восьми человек. Китаец помимо воли замедлил шаги. Монголы стояли возле юрты тысячника Бурхана. В центре отряда молодой, рослый, воин о чем-то спорил с пожилым и кряжистым крепышом. Молодой показывал рукой в сторону центра лагеря, второй не соглашался с ним и несколько раз громко повторил «Мало, мало!..» Заметив приближающегося китайца, молодой воин перестал спорить и принялся с интересом рассматривать Хо-Чана. У китайца похолодело под сердцем. Он не знал имени этого монгола, но однажды злая

судьба уже сталкивала их. Это было еще прошлой осенью, когда увлеченный работой Хо-Чан, тащил с телеги тяжелую, железную втулку и уронил ее. Инстинктивно испугавшись, что она упадет ему на ногу, Хо-Чан отпрыгнул назад и хотя спас свою ногу, но наступил на чужую. Пострадавший – молодой, рослый монгол – выругался и со всего размаха ударил китайца кулаком по спине. Возможно, Хо-Чану досталось бы гораздо больше, но молодого монгола остановил начальник отряда Тэрбиш. Старый воин перехватил руку молодого монгола и молча, с видимым усилием, опустил ее вниз. Ссора двух монголов была короткой, потому что немногословный Тэрбиш, как всегда был краток и груб. Он прогнал молодого воина, но когда тот уходил, Хо-Чан хорошо запомнил его короткий, полный ненависти взгляд.

Хо-Чан остановился, присел и сделал вид, что поправляет обувь. Он развязал веревочку на голенище левого сапога, и принялся не спеша снова ее завязывать. Китаец думал обстоятельно, неторопливо и в первую очередь пытался сдерживать свой страх. Он попытался прислушаться к тому, о чем говорят монголы, но они стали говорить тише, ветер относил звуки в сторону и единственное, что удалось услышать Хо-Чану, было опять-таки слово «мало».

Монголы не уходили, хотя, по-видимому, их, как и прежде, не интересовал китаец, а молодой монгол демонстративно отвернулся в сторону. Закончив с левым сапогом, Хо-Чан принялся за правый. Китаец уже понял, ему предсто-

ит сделать нелегкий выбор пути. Он мог, не доходя до монголов, свернуть налево и тем самым показать им свою спину или смело пройти мимо них, но этот путь лежал в центр лагеря, где, китаец, в сущности, нечего было делать. Тринадцать катапульта и баллист, снятых вчера с позиций для ремонта, стояли прямо за лагерем, с его западной стороны, вблизи небольшой рощицы. Хо-Чан еще вчера приказал своим многочисленным помощникам, какие деревья нужно срубить, сколько и какой длины бревен нужно очистить от коры. Предварительная подготовка наверняка была уже завершена, а сыромятные ремни, которые Хо-Чан оставил у палатки, должны были довести нелегкий труд до конца, стягивая бревна и крепежное железо в единое целое. Это была тонкая работа, требующая осторожности, потому что, высыхая, вымоченные в воде ремни с такой силой сжимали бревна, что они могли треснуть или потерять выверенный угол в крепеже. Как минимум десяток катапульта, по приказу Великого Хана, должен был быть готов к полудню. Хо-Чан беспокоился о том, высохнут ли ремни, останется ли у него время на пробные выстрелы и не придется ли сушить ремни с помощью костров и факелов, что увеличивало риск поломки машины. А если снова пойдет дождь?..

Закончив возиться с обувью, Хо-Чан выпрямился и подчеркнуто внимательно осмотрел сапоги. Но думал он только о том, что у него осталось не так много времени, которое сейчас он теряет попусту и о том, что приказ Хана Бату дол-

жен был выполнен в срок любой ценой.

Плотная завеса облаков разорвалась, на секунду выглянуло солнце, но не над монгольским лагерем, а восточнее. В густом, насыщенном водяными парами воздухе, солнечные лучи были похожи на яркую и тонкую завесу опущенную с небес.

«Как красиво!..» – подумал Хо-Чан, на секунду забыв о монголах.

Завеса солнечного света изогнулась, двинулась к лагерю, но стала быстро гаснуть. Облака сомкнулись и последний солнечный луч умер не на земле, а в воздухе, осветив черную воронью стаю.

Хо-Чан смело двинулся прямо на монголов. Молодой монгол по прежнему смотрел в сторону, а остальные бросили на приближающегося китайца пару безразличных, тусклых взглядов и вернулись к своему разговору.

Хо-Чан невольно ускорил шаги. Монголы стояли так, что пройти мимо можно было только рядом с молодым воином. Хо-Чан попытался сделать это как можно быстрее, но, как оказалось, его враг был настороже: едва китаец поравнялся с ним, тот с силой толкнул его локтем в плечо. Монголы засмеялись, увидев, как легкий китаец, словно пушинка, отлетел в сторону. Колесо арбы спасло Хо-Чана от падения, но торчащая из колеса ось едва не сломала ему позвоночник.

Молодой монгол что-то спросил его, но не по-монгольски, а по-китайски. С трудом подбирая незнакомые слова, он го-

ворил так, что слова превращались во что-то отрывистое, лающее и непонятное. Ожидая ответа, молодой монгол положил ладонь на рукоять меча.

Хо-Чан отошел от арбы и механически ощупал спину. Боль в пояснице сделала его первые слова почти беззвучными. Хо-Чан ответил по-монгольски: он назвал свое имя и сказал, что состоит в свите Великого Хана. Он достал из-за пазухи серебряную пайцзу в виде головы собаки, которую всегда носил на медной цепочке, снял ее и протянул воину. Модой сделал вид, что сильно удивился, увидев знак большой власти. Другие монголы тоже взглянули на пайцзу, кто-то из них цокнул языком и что-то тихо сказал молодому.

Тот убрал руку с меча и коротко, презрительно бросил Хо-Чану:

– Иди, куда шел. Твоя голова не стоит и дохлой собаки.

В пустой от страха голове китайца мелькнула мысль «И все?..» Можно было спокойно уйти, но вдруг пришла обида. Она началась со спазма в горле, потом ударила жаром в голову и, опустившись вниз, к сердцу, заставила забиться его сильнее. Китаец зачем-то оглянулся на арбу за спиной.

«Он же все знал, знал!.. – подумал Хо-Чан. – Потому что когда в прошлый раз спорил с Тэрбишем, тот наверняка сказал ему, кто я».

Серебряная пайцза давала Хо-Чану огромную власть. Например, он мог заставить толкнувшего его монгола весь день таскать за собой тяжелое бревно. Китаец облизал пересох-

шие губы... Одно из таких бревен лежало совсем рядом, возле арбы. Злость сделала мир серым и пустым. Хо-Чан видел только ухмыляющееся лицо монгольского воина.

– Ты мне нужен, нукер! – хрипло крикнул молодому монголу Хо-Чан. Он кивнул на бревно: – Возьми его и неси за мной.

Во взгляде молодого монгола появилось спокойное любопытство.

– Тебе не правится, когда к тебе прикасаются воины? Ты мстишь мне? – он перестал усмехаться. – В таком случае, носи свою пайцзу на шапке.

Вперед вышли другие монголы и молодой бесследно исчез за их спинами. Пара чьих-то сильных рук развернула Хо-Чана и мягко толкнула в ту сторону, куда он шел. Китаец попытался развернуться, но те же руки снова толкнули его и уже сильнее.

– Иди, иди! – тихо сказал ему в спину примирительный голос по-монгольски. – Один дурак – плохо, а два дурака на одной дороге – к беде.

Монголы быстро ушли. Хо-Чан немного постоял, собираясь с мыслями, и приводя нервы в порядок. Он уже жалел, что поссорился с молодым монголом, но обида не уходила. Она отхлынула от сердца, остыла, но, свернувшись холодным комом где-то под желудком, давила и вызывала тошноту. Хорошо распланированный день уже не вызывал у Хо-Чана ни прилива сил, ни желания работать и он медленно,

прихрамывая, пошел в сторону центральной площади...

Там толпились несколько тысяч воинов без оружия. Это были кипчаки, узбеки и еще какие-то воины в высоких, остроконечных шапках. Монголы пытались построить их в ряды и торопливо отсчитывали каждого десятого. Затем того выхватывали из строя и тащили к плахам, возле которых орудовали топорами гиганты-палачи. Строй наказываемых воинов постоянно ломался, монголы восстанавливали его, снова отсчитывали, снова выхватывали и снова тащили.

Хо-Чана снова удивила тишина. Был слышен только топот ног, громкое дыхание людей и стук доспехов.

«Великий Хан еще спит», – догадался Хо-Чан.

Гигантская юрта Бату, поставленная на четыре специальные, невероятно широкие арбы возвышалась над площадью как гора, покрывая ее утренней серой тенью.

Немного понаблюдав за казнью, Хо-Чан вспомнил о своей работе. Про себя он решил, что обязательно расскажет о молодом наглеце Тэрбишу. Ведь теперь молодой монгол наверняка не оставит его в покое. Но китайца беспокоила мысль, что начальник отряда только отмахнется от него...

2.

... Это было тончайшее состояние между сном и явью похожее на плавное снижение во время полета. Сон, как облака уходил выше, а внизу, в призрачных разрывах, появлялась

земля, усеянная точками бесчисленных лесных озер.

Хан Бату повернулся на бок и ткнулся носом в подушку. Правая рука загребла что-то мягкое и податливое – судя по всему покрывало – и потянула его под голову. Бату улыбнулся, вспоминая свой сон, прерванный резким криком откуда-то снаружи. Он забыл этот крик и снова смотрел на смуглую, жилистую шею отца. Но теперь понимал, что это только сон, на который он смотрит словно со стороны.

– Сиди тихо, – сказал Джучи-хан.

Маленький Бату молча кивнул. Он сидел, вцепившись обеими руками в края легкой, кожаной лодчонки. Джучи шел по воде, доходящей ему почти до колен, сзади лодки, направляя ее в узкую щель между камышами.

– Папа... – оглянулся Бату.

Лицо Джучи стало строгим, и он приложил палец к губам. На дне лодки лежали два лука – большой и маленький – и стрелы. Маленький Бату, пытаясь справиться с нетерпением, тоже нахмурился и принялся рассматривать оружие. Смотреть по сторонам было неинтересно – густые стены камыша закрывали все вокруг. Малышу очень хотелось взять в руки лук, натянуть тетиву и ощутить ее приятную, смертоносную упругость.

Когда дно стало уходить из-под ног, Джучи легко приподнялся на руках, опираясь на корму лодки, и оказался рядом с маленьким Бату.

– Что?.. – едва слышно спросил он сына.

Бату вдруг забыл о том, что он хотел спросить у отца. Мальчик покраснел от смущения, оглянулся, словно отыскивая то, о чем он забыл и вспомнил почему-то о матери Уки-хатун.

«Одонцэцэг – значит Звездный цветок, – подумал Бату, – но у женщины должно быть одно главное имя...»

Джучи едва заметно улыбнулся и повторил:

– Ну, что молчишь?

«Или Хонгорзул... Тюльпан», – вспомнил Бату.

Мальчик слышал эти новые имена своей матери, когда Уки-хатун уговаривала Джучи поехать к Чингисхану. Джучи пил кумыс, улыбался и не спорил с женой, лишь называя ее ласковыми именами. Уки все равно нервничала, а когда муж назвал ее Жаргал (Счастье), вдруг заплакала.

– Отец зовет тебя, и если ты не поедешь, он убьет тебя! – выкрикнула Уки. – Неужели ты ничего что происходит?!

Бату вспомнил, что хотел спросить у отца именно об этом: какой безумец может поднять руку на его Джучи – сына великого Чингисхана? Но вопрос вдруг показался мальчику нелепым, а, главное, неуместным.

– Всегда думай, прежде чем спросить, – ответил на молчание сына Джучи. Он взял весло, и лодка уверенно заскользила вперед. – Ты понял?

Бату почувствовал стыдливый жар на щеках и кивнул.

Заросли камыша наконец расступились в стороны. Гладь озера была еще покрыта легким туманом и казалось пустой.

Джучи перегнал лодку на подветренную сторону, к похожему, но чуть более редким зарослям. Встав на одно колено, он взял лук, опробовал тетиву и кивнул сыну на весло:

– Давай, – коротко приказал он.

Маленький Бату поднял весло и ударил им по стене камыша. Бить было неудобно, и весло, издав легкий шум, только скользнуло по зарослям. Бату прикусил губу, и что было силы ударил снова. Легкая лодка качнулась,

– Не опрокинь лодку! – тихо засмеялся Джучи.

На шум весла тут же раздался ответный шум хлопающих крыльев. Три утки пронеслись рядом с лодкой. Бату показалось, что его разгоряченного лица коснулась легкая волна воздуха.

Почти тут же раздался звук спущенной тетивы. Стрела достигла одну утку в десятке метров от зарослей и пробила ей горло. Вторая стрела перебила крыло еще одной жертве значительно дальше, чуть ли не на середине озера. Обе утки были живы и тяжело били крыльями по воде.

– Греби быстрее, а то утонут, – Джучи сел.

Бату что было силы налег на весло. Лодчонку снова сильно качнуло, мальчик быстро перенес весло на правый борт, и суденышко ходко пошла вперед. Бату греб к утке упавшей дальше, потому что она быстрее затихала и над водой виделось только одно судорожно дергающееся крыло.

Джучи перебирал стрелы и о чем-то думал. Его лицо вдруг показалось мальчику темным, хмурым и задумчивым. Ба-

ту вспомнил последние слова матери, брошенные Джучи во время их ссоры: «Ты ведешь себя как безумный!»

– Папа, папа, папа!.. – прозвал совсем рядом мальчишечий голос.

Сон кончился. Великий Хан Бату чуть вздрогнул и открыл глаза.

Рядом с его постелью сидел на корточках его старший сын Сартак.

– Что? – спросил Бату и удивился тому, как сильно похож его голос на голос Джучи.

Мальчик ничего не ответил и опустил глаза. Там, на улице, разрастался шум.

Бату провел рукой по лицу, и сон ушел окончательно, без следа.

«Если утром охрана турхаудов впускает в юрту Великого Хана его сына, значит, Хана ждут», – догадался Бату. Он невольно улыбнулся, рассматривая потупленное лицо сына.

«Сколько ему сейчас? – подумал Бату. Лицо Сартака вдруг показалось ему удивительно красивым и по-детски нежным. – Наверное, сколько было мне тогда – семь лет...»

Бату резко сел. Мальчик не пошевелился. Бату погладил сына по голове. Сартак поднял глаза, вопросительно глядя на отца.

– Я с тобой пойду? – спросил он.

– Пойдешь, – легко согласился Бату.

Шум на улице становился все сильнее, в нем уже появи-

лись отдельные громкие выкрики. Чаще всего это были «Батух!» или «Бату-хаал!»

Пока отец одевался, Сартак прислушивался к крикам.

– Почему они так зовут тебя? – спросил он. Он поморщился: – Батух!..

– Большинство воинов – не монголы, – пояснил Бату, протискивая голову в горловину рубахи.

– А что значит Бату-хаал?

– Бату-хан ал наем.

– «Ал наем» значит «пощади»? – догадался Сартак.

Бату кивнул. Сартак улыбнулся, глядя на отца:

– Ты – Великий Хан, но почему ты так долго спишь по утрам?

Бату задумался. Остатки сна уходили прочь и он снова становился Великим Ханом, а не просто отцом. Правильная фраза, та, которую должен был услышать его сын, рождалась медленно, даже мучительно медленно и он невольно нахмурился.

«Если смысл гнева Великого Хана до конца понятен каждому, тогда его может оспорить, пусть даже молча и про себя, любой глупец...» – мысль вдруг стала слишком тонкой и оборвалась.

Бату вспомнил лицо Джучи. Это был похоже на обрывок сна: Джучи натягивает лук и, остро прищурившись, смотрит на кончик стрелы.

«Мой отец никогда не был глупцом, – подумал он. – Но он

так и не поехал к Великому Чингисхану. А значит, оспорил приказ и сделал вид, что не понимает его гнева. Почему?..»

Не дождавшись ответа отца, Сартак нетерпеливо повторил:

– Я с тобой!

«Ты со мной, мой сын, пока ты со мной...» – вдруг подумал Бату.

Мысль была непонятной и неоконченной.

Едва выйдя из юрты, Бату-хан тотчас потерял из вида мальчишку. Сначала Сартак исчез в толпе своих многочисленных друзей, потом толпа детей растворилась в другой, куда более большей по размеру и состоящей из взрослых, а затем перед Великим Ханом предстали его военачальники, заслоняя своими могучими фигурами все вокруг ...

3.

Облака становились все тяжелее, но дождь не начинался. Воины хорошо помнили вчерашний ливень и с недоверием косились на небо. Подготовка к последнему штурму осажденного Козельска шла бодро там, где слышались резкие голоса монголов, и значительно медленнее, где командовали вожди разношерстных племен. Людская масса была похожа на море, и оно все ближе подступало к стенам города.

К полудню к южным воротам Козельска удалось подтащить огромную стенобойную машину. Прикрывая ее, из та-

тарского лагеря непрерывно били катапульты и баллисты. Расстояние довольно большим, и Хо-Чан метался от одной катапульты к другой, то и дело поправляя прицел. Подтащить орудия ближе не было возможности. Недавно засыпанные рвы перед стенами крепости за ночь снова просели из-за дождя и превратились в огромные, глубокие лужи с покатым, мягким дном. Кроме того, мешали мощные пни деревьев, когда-то росшие вдоль рвов и спиленные защитниками Козельска.

Стенобойную машину тащили вверх, к воротам Козельска на высоком валу, по насыпи укрепленной камнями, бревнами и досками. Насыпь начиналась метров за десять до главного рва и узкой, шестиметровой полосой полого шла вверх. Еще мягкая, неутоптанная земля проваливалась под окованными железом колесами машины и щерилась торцами бревен и разбитых досок.

На половине пути один отряд штурмующих сменил другой. Те, которых сменили, отступали вниз, пятась и прикрываясь щитами от стрел, летевших с полуразрушенных стен крепости. Движения воинов были вялыми, – тяжелая работа вымотала их до предела – и иные из них падали, споткнувшись о камень или бревно. Вставая, один из молодых воинов поднял щит как женщина таз с бельем – взявшись двумя руками за его края. В спину неумехи тут же попала стрела и пробила кожаные доспехи над правой лопаткой. Юнец дико вскрикнул, стал лицом к крепости и поднял щит. Мелькнуло

его перекошенное злобой лицо, побледневшее от страха.

Стенобойная машина – похожая на огромную хату с железной крышей, – подошла к воротам почти вплотную, раздался скрежет, стих, потом повторился снова и стал похожим на пронзительный крик. Начальник отряда – воин с красной чалмой на голове, из которой торчал острый шишак шлема – нагнулся и заглянул под колеса. Он замахал руками, закричал, и машина остановилась. Принесли лом и стали выбивать из-под колеса большой камень. Начальник ругался, проклиная тех, кто делал насыпь и ровнял дорогу к воротам. Камень под колесом прочно сидел в земле, часть его удалось отколоть, а оставшаяся стала похожа на острый зуб. Воин в чалме махнул рукой в сторону лагеря. Машина дернулась и подавалась на пару метров назад. Уже не двумя, а шестью ломами ее задние колеса стали разворачивать левее. Камень нужно было обойти. Один из воинов, злясь, все еще бил по камню, но не ломом, а палицей, что-то дико кричал, и когда его толкнули – чтобы он не мешал – воин замахнулся палицей на того, кто посмел его тронуть. Тот, другой, попятился в сторону... Стрела, пущенная со стены, чиркнула по щиту и попала ему в шею. Человек упал. Начальник в красной чалме несколько раз ударил воина с палицей кулаком в лицо, а когда тот упал, принялся бить его ногами. Начальника сильно толкнули в спину... Видно у того, кого он бил, были родственники и друзья в отряде. И они оказались достаточно смелыми для того, чтобы поднять руку на сотника во время боя с врагом.

Еще вечером ханскую ставку перенесли за ручей, впадающий в Жиздру, и теперь Бату лично наблюдал за подготовкой к последнему штурму.

– Твои люди быстро устают, Великий Хан, – учтиво сказал хан Кадан. Он так и произнес, «люди», а не «воины». Кивнув в сторону ворот, он добавил: – Хорезмийцы не слишком хороши в бою, потому что сами привыкли отсиживаться за стенами. Кроме того, они забыли, что такое дисциплина, потому что ты слишком долго держишь их у стен этой ничтожной крепости.

Скрывая улыбку, Кадан поклонился Бату, но, не торопясь, и многие из ханской свиты успели увидеть ее. Бату сделал вид, что не обратил внимания ни на слова Кадана, ни на то, что так же весело сверкнув глазами, склонился в поклоне тучный, низкорослый Бури.

За шесть недель, во время которых Кадан и Бури громили русские города, проходя лавой с севера на юг через страну «длиннобородых», и пока рядом не было великого Бату, они привыкли принимать самостоятельные решения, и их мысли стали простыми и дерзкими, как у выпущенных из клетки на свободу волков.

Явившись под Козельск три дня назад, и Кадан и Бури удивились тому, что Великий Хан назвал Козельск «злым го-

родом».

– Злой город, как злая овца, – шепнул Кадан своему старому другу. – Но какой бы лютой ни была овца, она всегда по зубам даже плохонькому волку.

Тем временем пауза возле городских ворот закончилась, воины возле стенобитной машины снова взялись за работу, а зачинщик драки затерялся в толпе.

– Найдешь его потом, – тихо сказал Бату огромному ну-керу, стоявшему рядом с его тронem. – Этому наглецу видно хочется того, что другие получили сегодня утром. Обязательно доложи мне.

Затем Бату велел позвать Хо-Чана. Запыхавшийся китаец предстал перед Великим Ханом через несколько минут.

– Мой брат Кадан недоволен твоей работой, мастер, – строго сказал Бату. – Ты можешь подтащить катапульты ближе к стенам?

Эта была обычная уловка. За любой непорядок или неувязку во время битвы отвечал не тот, кто был в ней виновен, а тот, кого назначал сам Великий Хан. Хо-Чан каждый вечер докладывал Бату о делах и проблемах, но не удивился тому, что теперь Бату решил заговорить об этом же уже прилюдно. Учитель, подумал китайский мастер, вызвал лучшего ученика, чтобы другие увидели, насколько «хороши» все остальные.

Хо-Чан низко поклонился и рассказал о просевшем крепостном рве и пнях.

Великий Хан молча кивнул.

– Ров можно было засыпать раньше, а пни выкорчевать, – тут же вмешался в разговор Кадан. – Или тебе было мало семи недель?

Хо-Чан пояснил, что после холодной и долгой зимы земля оттаяла только к середине апреля. Половина пней была выкорчевана, а остальные вросли в землю так, что десять пар лошадей рвали цепи толщиной в руку, пытаясь выдернуть наполовину выкопанные корни из земли.

Великий Хан снова чуть заметно кивнул, слушая китайского мастера. Хо-Чан осмелел и сказал, что три четверти катапульт и баллист, доставленных Каданом и Бури в лагерь Бату, либо сломаны, либо изношены до предела. Великий Хан одобрительно усмехнулся. Уже заканчивая свою речь, Хо-Чан вдруг вспомнил о толкнувшем его молодом монголе.

«Вот бы о ком бы им рассказать! – тоскливо подумал он. – Если бы я сломал позвоночник, кто бы сейчас делал мою работу?»

Слушая китайца, хан Кадан пренебрежительно морщился, а Бури отвернулся в сторону. Катапульты, баллисты и стенобойные машины были только кучей связанных или сбитых между собой бревен. В лучшем случае за них отвечал тысячник, отряд которого больше чем наполовину формировался из увеченных воинов и пленных. Среди них встречались и китайцы. Последние не были ни воинами, ни рабами и работали за деньги. То, что Батый дал слово именно такому че-

ловеку – наемнику – унижало Кадана и Бури.

– Сколько можно монголам грызть стены этой крепости? – буркнул Кадан, уже не глядя на китайца. – Есть много причин, чтобы оправдать свое бессилие и только одна, чтобы взять этот город – приказ Великого Хана.

– Это не крепость, а крепостной остров, – вежливо пояснил Кадану Хо-Чан. – Там... – китаец показал налево, – река Другусна, а там... – он показал направо, – Жиздра. Жители крепости соединили две реки широким рвом. Высота вала города-крепости больше двадцати метров, а стен – десяти. Весной реки сильно разливаются и обстрел города из-за рек просто невозможен. Кроме того, южный ров...

– Рва больше нет, – перебил китайца Кадан.

Хо-Чан чуть было не закричал, что ров есть, если к стенам крепости невозможно подтащить катапульты. Его лицо пожелтело от напряжения, и китаец едва успел проглотить уже готовые сорваться с губ резкие слова.

– Ров есть, – с поклоном, возразил он. – Пусть он похож на гнилые зубы старой собаки, но он – есть.

Великого Хана Бату перестал интересовать диалог между мастером Хо-Чаном и ханом Каданом. Он привстал и осмотрелся по сторонам, ища кого-то. Совсем рядом, за спинами воинов, мелькнуло разгоряченное лицо Сартака. Мальчик азартно преследовал кого-то и размахивал маленьким копьём с деревянным наконечником. На этот раз разгоряченное лицо сына показалось Бату особенно красивым. Детский

хор голосов на секунду приблизился, заглушил другой хор – мужской – но тут же стих, словно растворился в нем.

«Ну, теперь Сартак обязательно победит», – улыбнувшись про себя, подумал Бату. Мысли Хана вернулись к близкому штурму и он нахмурился.

«А ты сам победишь?..» – промелькнула в голове далекая, сознательно отстраняемая мысль.

– Азамат! – громко позвал он.

Из толпы придворных Великого Хана вышел невысокий воин в иссиня черной кольчужной броне. Широкий желтый пояс перетягивал его узкую талию, такой же желтый шишак на голове был похож на жало, а темный плащ за плечам – на обвисшие крылья.

Азамат улыбнулся Батыю, обнажив ряд крупных зубов, и, приветствуя Великого Хана, поднял правую руку.

– Бери своих лучших воинов и иди к городу, – Бату кивнул на городские стены. – Прогони оттуда тупых бездельников-хорезмийцев, оставь только сотню и пусть они до конца разобьют ворота. Если будет нужно, помоги им. Но, главное, ты вскрыешь город, как вспарывают брюхо раненого медведя.

Азамат посмотрел туда, куда показывал великий Хан. Его улыбка превратилась в глумливую усмешку. Несколько секунд Азамат, прищурившись, рассматривал полуразрушенные стены и огромный «дом» стенобойной машины перед его воротами.

– Ты – великий Хан! – хрипло сказал Бату Азамат. – И, возблагодарим Аллаха за то, что ты будешь им целую вечность.

Воин поклонился.

– Ты хорошо понимаешь нашего Великого Хана? – тихо шепнул Бури Кадану. – Потом он будет говорить, что семь недель ждал, пока не просохнут засыпанные рвы у стен «злого города», а сам город взял один малочисленный отряд лихого Азамата. Правда, на десяток его воинов-волков в этом городке вряд ли надеется хотя бы пара овец.

– Великий Хан слишком спешит, – так же тихо ответил Кадан. – Ворота еще не разбиты, а Азамат слишком горяч, как раздраженная оса, ведь недаром он так похож на нее. Говорят, что когда Азамат два года назад стал мусульманином, и его спросили, кто более велик, Аллах или Бату, он ответил вопросом: а разве они не одно и то же?..

Оба улыбнулись и чтобы скрыть улыбки, опустили головы...

Через полчаса в центре становища войска Бату слышался смех. Он рос, превращался в хохот и растекался вокруг медленно, как смола. Несколько тысяч воинов хана Азамата снимали доспехи, обнажаясь по пояс. Они вынимали из ножен мечи, с удивлением и весельем, будто видели впервые, рассматривали их и смеялись от радости. Другие воины еще стояли у больших котлов, над которыми клубился

густой, чуть пахнувший корицей, пар и возле которых суетились шаманы, а остальные пили густое, коричневое варево. Отшвырнув в сторону ковши, они быстро веселели, кто-то принимался петь, но этих сразу одергивали – шлепали по щекам или били палкой по спине. Нескончаемый говор глушил отдельные слова в толпе и над ней стояло несмолкаемое «Ау-у-у!.. Ау-у-у!..»

– Азамат!.. – вдруг взвыл чей-то голос на самой высокой ноте.

– Азамат!.. – тут же отозвалось многоголосое, ликующее эхо.

Хан Кадан бросил быстрый взгляд на лицо Бури. Тот хмуро рассматривал снятый с пояса нож – подарок Чингисхана.

– Алтайское зелье, – тихо сказал Кадан. – Великий Хан греет черным колдовством уже и так красную от жара кочергу.

– Бату умен, – почти не слышно, с усмешкой, ответил Бури. – Наверное, он считает, что в «злом городе» живут злые духи и поэтому он посылает против них демонов в человеческом облике.

Воины Азамата стали в гигантский круг. Из-за тесноты и большого количества людей он получился неправильной, изломанной и сильно вытянутой формы. Когда круг двинулся вокруг своей оси, люди ломали палатки, наталкивались на телеги и на воинов из других отрядов, отчего приходили в неистовое бешенство. Бесконечное «Ау-у-у!..» превратилось

в волчий вой. Полуголые воины Азамата привели в движение всю сердцеви́ну огромного лагеря. Кто-то из них дрался с тем, кого задел, кто-то протягивал к небу меч или копье и дико хохотал, несколько человек упали на землю, и из их ртов хлынула коричневая пена. Упавших, кого не успели затоптать, оттащили в сторону шаманы. Кольцо людей, не прекращая вращения, двинулось в сторону города. Единственный человеком, не прикоснувшимся к «черному питью» был Азамат. Во-первых, этого ему не позволяла его вера, а, во-вторых, колдовское питье ему просто не было ему нужно.

К хану Бури тихой тенью приблизилась женщина в черном. Это была его старшая сестра Амарцэцэг служившая жене Батыя Боракчин-хатун. Женщина всегда сообщала брату последние новости. Женский легкий язык был его едва ли не самым лучшим другом.

– Ты слишком много болтаешь с Каданом, – тихо, в самое ухо Бури, шепнула женщина. – Побереги свой язык и голову, глупец. Ты стал уж через чур смелым, когда говоришь о Великом Хане.

Бури едва заметно кивнул. Он бросил быстрый взгляд на Кадана и одними губами спросил:

– И кто же этот дырявый мешок, из которого сыплются ненужные слова в уши Великого Хана?

– А ты не догадываешься?

– Кто?!.. – прошипел Бури.

– Думай сам! – отрезала женщина. – Хотя, о чем там да-

вать?..

5.

... Снег пришел, казалось бы, ниоткуда. Снег быстро гу-стел, превращаясь в сплошной белый занавес. Бату потерял из виду сначала стены «злого города», потом идущих к нему воинов Азамата, а затем исчез стоявший поблизости отряд охранников-турхаудов. Прошла еще минута, Великий Хан вытянул руку и едва увидел свои пальцы. Огромные снежинки мягко ложились на защищенную броней руку, не таяли и быстро покрыли ее белым, невесомым пухом. Пахнуло морозным холодком... Бату потянул ноздрями воздух и не уловил хорошо знакомого запаха лагеря – запаха вареного мяса, мокрого войлока, навоза и лошадиного пота.

Из белой, непроницаемой пелены, откуда-то сбоку высу-нулась перепуганная и физиономия китайца Хо-Чана.

– Я не вижу, куда стрелять, Великий Хан, – волнуясь и от этого с сильным акцентом, сказал он. Боясь, что его не поймут, китаец повторил: – Я не вижу ничего: ни стен, ни воинов Азамата, ни даже пней вблизи.

Великий Хан молчал. В свите рядом и за его спиной разда-лись удивленные голоса. Снег быстро покрывал молодую ве-сеннюю траву и буквально на глазах превращал ее в подобие сугробов. Кадан ударил ногой один сугроб, он легко рассы-пался, и под ним мелькнула трава. Но буквально тут же она

снова скрылась под снегом. Маленький тополек в нескольких шагах от Батыея, еще пять минут назад шелестящей молодой зеленой листвой, вдруг превратился в белый шар на тонкой, черной ножке.

Стена падающего снега глушила звуки, ломала пространство, превращая его в крохотные, разделенные завесой мирки в каждом из которых человек видел пять, от силы десять своих сородичей и этот измененный, разбитый на десятки тысяч «сот» мир, вдруг показался Великому Хану угрожающим.

Он чуть привстал в кресле, опираясь на подлокотники и сильно вытянув короткую шею, чтобы лучше видеть то, что происходит впереди. Но впереди был только белая стена снега... Эта стена была непроницаема, и только поднявшись выше облаков можно было заглянуть через нее. В голове Бату промелькнула давно услышанная поговорка, о человеке и о чем-то таком в нем, что можно разглядеть, только с высоты полета дракона. Бату попытался вспомнить ее дословно, но не смог и удивился несуразности своего желания. У стен Козельска вот-вот должен был начаться бой, а он – Великий Хан! – вспоминает слова и смысл какой-то нелепой поговорки.

Снег усилился. Порыв ветра бросил на Великого Хана закрученный столб снежинок, и он на секунду невольно зажмурил глаза. Эта секунда тоже была тьмой, но не белой, а черной, и когда Батый снова открыл глаза, не было видно

даже молодого тополя.

Белый мир сжался до предела. Великий Хан сидел на троне, судорожно сжимая подлокотники, и уже не видел ничего вокруг – исчезли Кадан, Бури, перепуганный Хо-Чан и вся свита.

Бату вдруг поймал себя на мысли, что если он сейчас отдаст какой-нибудь приказ, его невидимый голос прозвучит из мглы и будет голосом незримого владыки. Но ощущения великой тайны власти, о которой не раз говорил его отец, почему-то не было. Мысль была холодной, как сталь ножен сабли, которые сжал в руке Великий Хан, и уничижительной, как будто речь шла о детской игре в прятки.

«Если сейчас меня сзади ударят ножом в шею, то убийцу не найдут, – непроизвольно продолжилась злая мысль, – снег занесет и его следы и выброшенный им нож...»

Где-то под сердцем Великого Хана шевельнулось чувство странного, испытанного только в детстве после смерти отца, тоскливого одиночества.

«Великое, Вечное Небо, – одними губами прошептал Бату. – Ты хранило от зла моего деда Чингисхана, не уберегло моего отца Угедея, так вспомни же обо мне, чтобы не прервался старший род Великого Монгола!»

Молитва не получалась... Она была вынужденной и почти случайной. Она казалась такой же нелепой и не нужной, как и любая другая мысль, которая приходила к хану, после того, как с неба обрушился снег. Снег оказался сильнее людей не

потому что ослепил их, а потому что принес в себе еще нечто такое, к чему не был готов никто из людей.

Краем глаза Бату уловил едва заметное движение слева и невольно напрягся.

«Сартак!..» – догадался он.

Мальчик бросился к отцу и упал ему лицом на колени. Бату наклонился и тихо, ласково спросил:

– Испугался снега, богатур?

– Нет-нет! – живо и не поднимая головы, ответил мальчик.

Когда он поднял голову, Бату увидел счастливые, огромные глаза.

– Я всех их победил! – сказал Сартак. – Они убежали!

– Кто?

– Ерден, Ганбаатр, Нугай... – вздохнул мальчик и перечислял имена друзей. – А еще Наран и здоровяк Шона.

– Стань рядом со мной, – Бату взял сына за руку. – И веди себя достойно, как положено сыну Великого Хана.

Сартак вытер нос и кивнул. Улыбка на его лице вдруг стала жалкой, а глаза погасли.

«Великое Небо...», – попытался продолжить молитву Бату и вдруг понял, что он ненавидит небо. Именно небо обрушило на землю снег и срыло ненавистный город.

Усилием воли Великий Хан оборвал все мысли. Он сжал зубы и молча, с ненавистью, смотрел на снег. Он знал, что там, за его непроницаемой стеной, могло происходить только одно: воины Азамата пошли на штурм упрямого «злого

города» и вот-вот должны были одержать победу. Да, снег ослепил людей, обстоятельства изменились, но сейчас каждый человек – и командиры, и рядовые воины – должны были быстро принимать свои собственные решения. А воля Великого Хана – пусть даже если он слеп! – всегда будет гнать их только вперед. Потом будут награждены победители, жестоко наказаны трусы и проучены нерадивые. И это тоже будет воля Великого Хана.

Со стороны крепости продолжали доноситься далекие, многоголосые крики и приглушенный звон оружия. Толпа придворных вдруг ожила, и Бату увидел за пеленой снега их странно вытянутые вверх тени; толпа заговорила, и звук голосов придал Бату уверенности – в мире все действительно шло своим чередом. Смелый Азамат начал штурм Козельска, хорезмийцы раскачивают подвешенное на цепях огромное бревно и под его ударами трещат и рушатся ворота.

Снег стал идти чуть реже...

Сартак, увидев кого-то из своих друзей, что-то весело закричал и рванулся в сторону. Бату с трудом удержал его за руку. Мальчик оглянулся на отца и тот снова увидел его огромные, удивленные глаза.

– Я... Я быстро! – умоляюще сказал мальчик.

Бату с трудом подавил вспышку раздражения.

– Я сказал, стой возле меня! – грубо сказал он.

Бату так крепко сжал руку сына, что тот вскрикнул. Злость ушла... Бату отпустил руку.

– Стой тут! – коротко и уже спокойнее, повторил он.

Из стены снега вышел хан Кадан, ведя под руку раненого воина. Тот сильно клонился набок, зажимая рукой рану на боку. Чуть сзади шел Хо-Чан.

Кадан низко поклонился и сказал:

– Великий Хан, в этой проклятой белой темноте воины Азамата ничего не видят. Они переполнены ненавистью и готовы умереть за тебя, но сначала они перебьют друг друга и перережут всех хорезмийцев. Зелье шаманов затуманило их разум и выгнало из их голов все мысли. Они жаждут только одного – крови. Если хорезмийцы умрут, кто будет разбивать ворота?

Раненый воин, подтверждая слава Кадана, протянул вперед руки и издал странный горловой звук. Теряя силы, он опустился на колени.

«Хорезмиец...» – скользнув глазами по одежде воина, догадался Бату.

Он перевел взгляд на Хо-Чана. Китаец жадно поймал этот взгляд и быстро и горестно закивал головой. В войске Бату было много воинов, но мало мастеров. Хорезмийцы и самаркандцы умели строить катапульты и стенобитные машины и лучше других применяли их в деле. Даже Чингисхан во время похода в Среднюю Азию, щадил этих умельцев. «Монгола можно привязать к коню, но его нельзя привязать к бревну», – шутили сами монголы.

Хан Бату уже принял решение, но пока молчал.

Воин, которого привел Кадан, наконец смог заговорить:

– Великий Хан, меня зовут Очой-Ману и я командую третьей сотней... – воин перевел дух и зачем-то кивнул в сторону города. Он кривил губы, пытаясь справиться с болью в боку. – Нам не удалось дотащить стенобойную машину вплотную к воротам. Мы вмяли ворота внутрь, но не смогли ни разбить, ни открыть их. Сейчас там командует хан Азамат... Ночью светит луна и можно увидеть хоть что-то, но сейчас... в этой белой мгле... – воин снова замолчал и стал клониться на бок. Его речь стала значительно тише: – Ярость Азамата не знает предела и недовольный всеми, он просто начал резать хорезмийцев...

Воин замолчал, опустил голову, ткнувшись ей в свои колени.

– Проклятый снег! – громко и торжественно сказал Кадан. Хо-Чан снова закивал головой.

Маленький Сартак не без удивления рассматривал расстроенные лица хана Кадана и китайца. Снег – мягкий, белый и безобидный – не казался ему чем-то ужасным. С ним можно было играть. Например, в снежки или, прячась за белым покрывалом, устраивать засады на «врагов» в нескончаемых мальчишеских сражениях. Когда Хо-Чан перестал кивать головой и замер, он вдруг стал похож на пугало засыпанное снегом. Сартак едва не рассмеялся.

Появился толстый Бури, похожий на огромного белого медведя.

– Великий Хан, ты мудр, но позволь мне дать тебе совет, – фигура «медведя» стала значительно ниже, монгольский военачальник опустился на колени. – Само Небо дает нам знать, что сегодня ему не нужна кровь наших врагов. Останови сражение, а завтра ты без труда войдешь в «злой город» и насытишь кровью свою праведную месть.

– Хорезмийцы уже бегут от стен? – сквозь зубы спросил Бату.

– Да, Великий Хан.

Умный Бури упомянув Небо, снимал вину за срыв штурма города с Великого Хана. Идет ли снег или с неба падают камни – это решает не Хан.

– Трубите отход. Азамат слишком сильно хочет крови, поэтому трубите так, чтобы зов наших труб услышали их покойные предки вплоть до седьмого колена. Ты... – Бату перевел тяжелый взгляд на Бури. – Пойдешь к городу с тысячей воинов, прекратишь там свару и неразбериху и вернешь воинов в лагерь.

Бату немного помолчал:

– Кадан!.. Завтра ты первым войдешь в город.

Хан Кадан поклонился.

«Он милостиво доверил мне то, с чем не мог справиться два месяца сам, – подумал Кадан. – Ему мало сумасшедшего Азамата, который вырезал два десятка городов. Самый злой город он дарит мне».

Завыли трубы... Сначала одна хрипло и надрывно, потом

вторя, ниже и горше, словно оплакивая погибших. Звук был настолько громким, что, заржали перепуганные лошади.

Бури ушел в снежную мглу с отрядом нукеров. Отряд прошел совсем близко от Великого Хана, и он слышал звуки их шагов и звон оружия. Кто-то крикнул громкую фразу на незнакомом языке и несколько голосов рассмеялись в ответ.

Их одернули по-монгольски:

– Заткнитесь, дураки!

Шаги воинов стали быстрее, стих даже звон оружия.

Бату немного расслабился и откинул голову на спинку трона. Кризисная точка была пройдена, решения – приняты, Великий Хан не показал слабости, или, что хуже, своих сомнений.

Снег редел, белая стена отодвигалась все дальше, и из нее вынырнул покрытый снегом тополек. Тяжесть упавшего снега сильно наклонила тоненькое дерево набок.

Бату хмуро рассматривал деревце и о чем-то думал.

Довольно быстро вернулся хан Бури со своим отрядом и немногими хорезмийцами.

– Азамат остался там, – хан показал плеткой за свою спину. – Он сказал, что вернется к Великому Хану либо с головой князя «злого города», либо ему принесут голову Азамата.

Бату продолжил безучастно рассматривать заснеженный тополек.

«Когда снег начнет таять, он нальется водой, станет тяже-

лым, как воск, и тогда это дерево сломается», – подумал он.

И только оторвав взгляд от дерева, Бату осмыслил речь Бури об Азамате.

«Не принесет он ничего...», – мелькнула безразличная мысль в голове Бату.

6.

...Воины Азамата, не смотря на снег, все-таки полезли на стены.

Основной удар Азамат направил на узкий пролом слева от городских ворот, уменьшивший высоту стены едва ли не на половину. Воинов сбивали с лестниц стрелами и камнями, а в самом проломе, забросанном сверху связанными бревнами, закипел страшный и кровавый бой. Тех нападающих, кто пытался протиснуться через завал бревен, защитники города отгоняли копьями, жалящими сквозь широкие щели между бревнами, а наверху, где завал был реже, русские вступали в рукопашный бой, используя «ножные мечи». Длинным монгольским саблям мешал недостаток пространства, которое скрадывали торчащие повсюду концы бревен и короткие колющие или режущие удары длинных ножей опережали взмахи монгольских сабель. Бой был упорным, полуголые воины Азамата зверели до пены у рта и не слышали призывного рева труб в лагере Бату. Желтый шишак Азамата мелькал где-то там, на самом верху стены.

Хан Бури оставил возле стенобойной машины полсотни воинов из своего отряда (больше не помещалось под защиту ее крыши) и два десятка хорезмийцев, категорически запретив им принимать участие в кипевшем на стене бою. Командиром оставшихся был назначен старый, опытный, а главное хладнокровный Одой.

– Сбереги ее до утра, – сказал ему Бури, кивнув на стенобойную машину. – Больше от тебя ничего не требуется. На тот случай, если русские сделают вылазку, я оставлю пятьсот воинов в двухстах шагах от тебя. Еще через триста их будет уже тысяча.

Одой молча кивнул. Когда Бури ушел, Одой так же молча уселся рядом с подвешенным на цепях бревном, передний конец которого был обит толстыми, ржавыми пластинами железа. Старик слушал шум боя над головой и чему-то улыбался, словно вспоминал что-то приятное. Раненые из отряда Азамата ползли под защиту стенобитной машины, но их отгоняли тупыми концами копий. Другие тянули руки, взывая о помощи, но их не слышали.

– Сумасшедшим туда и дорога, – ворчал Одой, глядя то на грязь под своими сапогами, то на перекошенные лица раненых. – А шаманам с их нечистым зельем нечего делать на войне и, тем более, вмешиваться в нее.

Хо-Чан возобновил было обстрел стен крепости из катапульт, но прицел был неточен, камни летели куда попало, а один из них едва не задел крышу стенобойной машины.

Одой послал воина в лагерь, но обстрел прекратился сам Хочан, видя, что камни и гигантские стрелы если и попадают в цель, то этой целью чаще оказываются не защитники крепости, а штурмующие ее.

Бой стал стихать через пару часов после ухода Бури. Снег шел все реже, но тучи не ушли, а стали еще гуще и быстро темнело. Немногие оставшиеся в живых воины Азамата, трезвели и отступали к стенобойной машине. У них были пустые глаза и дрожащие от слабости руки. Одой приказал прогнать «петушиное отродье» в лагерь. По мнению старого вояки, смысл войны заключался не в бездумном наскоке на врага, а тщательно выверенном и спокойном ожидании.

Два полуголых воина принесли тело Азамата и положили его у ног Одоя. Азамат умер от удара ножом в горло. Нож задел верхний край кольчуги и, судя по тому, что рассек ее, удар был нанесен с большой силой.

Одой лениво улыбнулся, рассматривая белое лицо Азамата.

«Долеталась, Оса!» – подумал он.

Снег полностью прекратился только к вечеру, и сразу выглянуло наполовину погруженное за горизонт солнце. Оно осветило белую, чистую равнину и белые стены на валах Козельска. Черные фигурки людей и лошадей перед городом казались игрушечными. Не было видно ни дорог, ни следов войны... Чистое покрывало снега скрыло все.

...Андрей сидел, опершись спиной на стену. Из разбитой щеки текла кровь, он механически вытирал ее и смотрел на ладонь.

– Что, устал? – Гридя стоял перед Андреем, широко расставив ноги.

– А видно? – Андрей слабо улыбнулся.

– Видно. Замельтешил ты, на кровь свою любишься, значит в голове пусто. Дай ногу твою, посмотрю, – Гридя присел на корточки возле Андрея.

Едва взглянув на стрелу, пробившую икру ноги, Гридя осторожно потрогал ее багровый от крови наконечник. Андрей поморщился.

– Вскользь, но кость чуть задела, – пояснил Гридя. – А если бы сломала – закричал бы...

Он вынул нож, отрезал наконечник и рывком вытащил стрелу. Андрей вздрогнул всем телом, но снова промолчал.

– Терпи, терпило! – пошутил Гридя. – Я на скорую руку перевяжу, но тебе лучше домой пойти. Жена рану промоет.

Гридя выбросил стрелу за стену и стал перевязывать ногу Андрея.

Подшли воины, защищавшие пролом. Первым шел Данила – не высокий, широкобороды, кряжистый как дуб, за ним – два его брата-близнеца – Годимир и Годислав. Оба – выше Данилы едва ли не на полголовы, но не такие могучие,

как младший брат. Лица воинов были суровы и темны, как лики на иконах. Пришли Перко, Войнята, Заруба и еще трое молодых парней из западной слободки.

– Что? – коротко спросил Данила, кивая на Андрея.

– Живой, – Гридя оглянулся на командира. Он тут же пошутил: – Ему бы жену навестить.

– Мне бы тоже, – сказал Заруба.

Воины оживились. Рассаживаясь возле раненного Андрея, они перебросились парой шуточек. Данила остался стоять, хмуро осматривая почти скрытый темнотой монгольский лагерь.

– Слышь, Данила, говорят, их главный хан вон там, на троне сидел... Видно нами любовался, – Гридя привстал, показывая рукой направо. – Жаль, стрелой достать было нельзя.

– Ну, пешком бы сходил к нему, – без улыбки сказал Заруба. – Глядишь, и достал бы.

– Такого достанешь, – сказал кто-то из молодых. – Хитер, волчара!

Данила не спешил со словами... Он щурился, словно примеривая расстояние до лагеря врага, и пару раз взглянул на крышу стоящей у ворот города стенобойной машины.

– Завтра выходить нужно, – наконец сказал Данила. – Если не сожжем ее... – он кивнул вниз, – татарва в город войдут.

– А как выйдешь?.. Под их стрелы, что ли? – спросил Первуша, высокий, светловолосый парень с нежным, почти

девичьим лицом. Он не присел, как и Данила, а стоял рядом с ним, опираясь на копье. Искося он то и дело старался заглянуть в лицо воеводы и виновато улыбался.

– Не первый раз выходим, не бойся, – Годимир сердито сверкнул глазами на Первушу. – До камнеметов и тарана добраться нужно. Без них татарва зубы о стены обломает.

– Земли они до башен навалят и все равно не уйдут, – чуть слышно возразил Первуша.

– Пусть валят до зимы, – зло сказал Гридя. – Они уже сейчас поля с травой огораживают, чтобы кони всю не потоптали. А что через месяц они жрать будут?

– Найдут, небось... Говоря, татары табуны в степь гоняют. Один табун отгуляет – другой идет.

Все немного помолчали.

– До зимы, говоришь? – спросил Гридю Данила.

– А почему нет? Надо будет мы не с двумя, а с десятком проломов устоим. Хаты на бревна разберем. Очень уж татарам не нравится сквозь завалы продираться. Стена что?.. Поставил лестницу и ползи вверх. А груды бревен просто так не одолеешь. Ты сам видел, они щиты бросают, чтобы уцепиться половчее...

– ... А их вдруг снизу копьем между ног! – вставил Перко. Воины засмеялись.

– Наловчился, значит, Перко?

– Давно уже. Не хитрое это дело.

Пока воины говорили, взгляд Данилы вернулся к крыше

стенобойной машины. Выпавший снег быстро таял и на ней уже были видны ржавые железные пятна. Поле перед Козельском оживало и по белому, снежному покрывалу то тут, то там чертили двойные следы телеги и арбы. Данила шурился, высматривая в темноте бесчисленные костры, едва видимых людей и юрты.

– Завтра не будем ждать, пока татары сломают ворота, – наконец сказал Данила. – Сами ворота откроем, до первого татарского удара. Годимир с двумя десятками ребят выйдет через пролом, – Данила посмотрел на брата, – возьми тех, что полегче и помоложе... Проскользните через бревна, как только мы выйдем. Татар резать быстро. Жжем таран и живо дальше – к камнеметам.

Данила немного помолчал, ожидая возражений. Их не было.

– Татарва хитрая, как только у ворот бой начнется, многие через Жиздру и Другусну на лодках к стенам бросятся, – продолжил Данила. – Андрей!..

Андрей поднял глаза.

– Не уснул еще? – Данила улыбнулся.

– Нет...

– От потери крови такое бывает. Нужно было сразу рану перевязать.

– Перевяжешь ее, когда татары чуть ли не по друг другу, как тараканы, ползут, – снова подал голос Гридя.

– Ладно, – отмахнулся Данила. – Короче, в городе тоже

бойцов оставить нужно. Тех, кто ранен, но еще держится. Андрей, ты-то сможешь?

Преодолевая боль, Андрей встал.

– Смогу...

– Вот ты с теми, кого татары задели, стены и прикроешь. Сколько наберем таких? – Данила посмотрел на Годислава. Тот знал все и про всех...

– Дюжину, не больше.

– А стариков?

– Ну, еще дюжину, – неуверенно сказал Годислав. – Деду Добрыше уже за восемьдесят, ему не то что копыя, палки не удержать.

– Князя Василия бы спросить нужно, – снова подал голос Первуша.

– О чем? – в упор, глядя на юнца, спросил Данила.

– Князю двенадцать лет, его не спрашивать нужно, а уму-разуму учить, – усмехнулся Годислав.

Первуша опустил глаза.

– Да я так... Просто так сказал, – еще тише, почти шепотом, произнес он.

«Эх, любят парня девки за красоту, вот он умирать и не хочет, – подумал о Первуше Гридя. – Весна к тому же... И жить всем до светлой тоски хочется».

Гридя подставил плечо Андрею.

– Пойдем, провожу до дома, – он сам положил руку Андрея на свое плечо. – Завтра с тобой останусь. Мне со сво-

ей левой ломаной лапой татар сподручнее на стене резать. И эта... – Гридя постучал пальцем по лубку на левой руке, – мне вроде щита будет.

8.

На ханском пиру пили хмельной кумыс и почти никто не прикасался к дорогому греческому вину. Нерастраченные силы уходили в слова и гости быстро хмелели. Бату слушал, иногда улыбаясь в жидкие усы, и скользнув взглядом по лицу очередного говоруна, опускал глаза. Запоминал и думал, думал и запоминал...

У Великого Хана болела голова, и хотелось отдохнуть – лечь, закрыть глаза и вытянуть уставшие ноги за день ноги. Голова Бату помимо воли клонилась вниз, он словно он рассматривал богатые кушанья. Но, потеряв нить разговора гостей, Великий Хан вскидывал голову и, бросив быстрый взгляд на говорившего, быстро опускал глаза.

«Устал охотник, – подумал Бури, краем глаза рассматривая лицо Бату. – Опасается вспугнуть добычу не то что лишним вопросом, а простым взглядом».

Больше всех гостей горячился Кадан. Спор шел о неожиданно выпавшем снеге.

– Позволь привести какого-нибудь из местных стариков, Великий Хан, – Кадан приложил руку к груди. – Я слышал, что в этих местах снег идет даже летом. Мой названный брат

Бури ошибается, когда говорит, что это не так...

– А ты не спорь попусту и принеси ему августовский снег, – грубо пошутил кто-то. Слова шутника прозвучали из-за спин тех, кто сидел рядом с ханом Бури.

Бури широко улыбнулся и лениво, несильно ткнул локтем назад. Шутник видимо опрокинул чашу с кумысом, которую держал в руках и все засмеялись.

Улыбнулся и Бату. Грубая шутка могла легко стать причиной для ссоры. И ее пытался провоцироваться кто-то из людей Бури.

«Значит слова Амарцэцэг, подсказанные ей моей умной женой, все-таки дошли до ушей и сердца «медведя» Бури, – решил Бату. – Он решил доказать мне свою верность, но не очень-то спешит. Или ждет более удобного случая?..»

Кадан пропустил шутку человека Бури мимо ушей. Он заговорил о том, что сейчас жители «злого города», наверное, режут своих малолетних детей, чтобы они не достались врагам. Улыбка Бури стала еще шире и еще добродушной: Кадан тоже не спешил со ссорой, хотя и его ушей наверняка коснулись слухи переданные челядью Великого Хана. Значит, он боится меня, решил Бури, и моя выдержка не должна превращаться в терпение бессильной старухи».

«Для того чтобы узнать настоящую силу медведя нужно сунуться в его логово. И ты все равно сунешься в берглогу! – решил Бури. – Не хочешь сегодня, тогда завтра, когда пойдешь на «злой город». Я буду подгонять тебя и твоих вои-

нов во имя славы Великого Хана и медвежье логово будет за твоей спиной, болтун!»

Переводчик-половец притащил в шатер пленную старуху. Он держал ее сзади за волосы и прямо у порога рванул вниз, ставя на колени, а потом, с силой ткнул ее лбом в пол.

Бату шевельнул указательным пальцем – «подними ее!» Половец новым рывком поднял лицо старухи так, что ее дрожащий подбородок углом выступил вперед.

– Да не мни ты ее так, – усмехнулся Кадан. – А то сломаешь.

Когда хохот стих, Кадан объяснил половцу, что он должен узнать у старухи. Воин, не выпуская из руки волосы старухи, задал ей несколько вопросов. Та отвечала тихо и толмач раз за разом перебивал ее, пытаясь понять смысл сказанного. В нетерпении он с такой силой рвал ее за волосы, что по запрокинувшемуся лицу пожилой женщины побежали слезы.

– Что она говорит? – как всегда первым спросил нетерпеливый Кадан.

– Она говорит, что этот снег – платок Матери их Бога, которым Та укрыла их город...

– Лучше бы она город кольчугой укрыла или щитом, – не выдержал и перебил толмача Кадан. – Что снег?.. Завтра его уже не будет. Ты не про богов у этой дуры спрашивай, а про то, когда и как долго идет этот снег в этих краях.

Половец поклонился Кадану. Он снова что-то спросил у старухи и, выслушав ответ, замахнулся на нее плеткой, ко-

торую держал в левой руке.

– Она говорит, что прожила семьдесят три года и никогда не видела, чтобы снег шел позже середины апреля. Ее мать рассказывала ей, что однажды снег выпал за неделю до мая, и он шел попеременно с ледяными... – воин замялся, подыскивая нужное слово – ... ледяными катышками, которые побили всю листву и цветы. Но позже снега никогда не было.

Хан Бури самодовольно улыбнулся: «Значит снег в середине мая и в самом деле воля Неба!»

Увидев его улыбку, Кадан сказал:

– Старуха врет. На этой проклятой земле не бывает весны, и зима сразу переходит в лето.

– А зачем ей врать? – пожал толстыми плечами Бури. – Чтобы растаял лед на реке, и согрелась земля под солнцем – нужно время. Мир везде одинаков и везде есть весна.

Кадан ослабился:

– Мир – разный! Он делится на две части: тот, где есть монголы и тот, где они скоро будут.

Бату с интересом прислушивался к начавшейся перепалке, но она вдруг стихла, после шутки со стороны тысячника Кадана:

– Наверное, хорошо и жирно живут там, где нас пока нет.

Кто-то другой, тоже не видимый за плечом Кадана, предложил выпить за новые походы:

– Скоро во всем мире будет весело! – пояснил говоривший.

Хо-Чан тоже пришел на пир – его позвал сам Бату, – но позже всех. Великий Хан благоволил ученому китайцу, но, как правило, смущенное и желтое лицо Хо-Чана всегда мелькало за лицами и спинами монгольских начальников в дальнем углу огромного шатра. Он занимал самое скромное место, почти ничего не ел и не пил, а если кто-то просил его передать то блюдо, до которого не мог дотянуться, Хо-Чан послушно вставал на карачки и брал его, даже если кто-то шутя бил его по рукам.

На этот раз Бату увидел китайца и поманил его рукой.

Сердце Хо-Чана согрело огромное чувство благодарности. Это чувство было настолько теплым и живым, что китаец улыбнулся. Он низко поклонился и не до конца выпрямившись, направился к Великому Хану. Замерев в трех шагах от него, он долго ждал, чтобы тот снова взглянул на него.

– Сядь здесь! – высокомерно сказал Батый, показывая на свободное место слева рядом с собой.

Хо-Чан присел сначала на корточки, потом осторожно подсовывая под себя ноги, сел.

– Рассказывай о делах, – потребовал Великий Хан.

О своих делах китаец умел рассказывать в зависимости от обстоятельств: коротко, если понимал, что у Великого Хана мало времени, и обстоятельно, если тот никуда не спешил и старался действительно вникнуть в суть проблем.

На этот раз, Хо-Чан изложил все кратко и ясно. Мешал

страх и тяжелый, уставший взгляд Великого Хана. Осторожность подсказала Хо-Чану, что Бату тревожит какая-то важная мысль и не стоит испытывать его терпение.

Когда Хо-Чан закончил говорить, Бату кивнул и не стал задавать вопросов.

– Ешь и пей! – коротко бросил он.

Хо-Чан налил в серебряный кубок греческого вина и жадно выпил. Зажевав выпитое куском жареной курицы, он снова потянулся к вину.

– Кумыс не любишь? – спросил его сидевший напротив Кадан.

– Не привык еще, – виновато улыбнулся Хо-Чан.

Он снова выпил и понял, что пытается залить вином свой страх.

– За пять лет не привык к кумысу? – делано удивился Кадан.

– За это время можно нарожать пятерых сыновей, – подал голос Бури. – Если они не будут пить кумыс, то как они станут воинами?

– А рожать кто будет? – снова скаля зубы, спросил Кадан. – Сам Хо-Чан?

Все дружно захохотали.

– Есть еще один вопрос – от кого рожать, – сказали из-за спины Бури.

Хохот стал сильнее: одни гости давились мясом, а другие, не удержав во рту глоток кумыса, сплевывали его себе на ко-

лени.

Хо-Чан покраснел. Вино вскружило голову измотанному до предела за день китайцу, а придавленная страхом обида на очередную злую шутку вдруг кольнула его в самое сердце. Перекошенные смехом лица вокруг уже не казались Хо-Чану страшными, а скорее уродливыми.

«Великий Хан рядом с тобой, – сказал он сам себе. – Кого ты боишься?»

Бату не поддержал шутку и смех стих.

«Пора!» – решил Хо-Чан.

Немного путаясь в начале своего рассказа, он громко – чтобы слышали все —рассказал Бату о том, как сегодня утром молодой монгольский воин ни за что толкнул его, и он чуть не сломал позвоночник. Хо-Чан не стал упоминать о том, что приказал воину нести за ним бревно. Во-первых, его приказ был отдан только после того, как его толкнули, а, во-вторых, молодой монгол и не думал выполнять его. Но Хо-Чан сказал, что шел, чтобы выполнить приказ Великого Хана. Кто бы выполнил его, если бы он остался лежать на земле у арбы?

– У воина был синий нагрудник с золотым кречетом, – закончил свой рассказ об обидчике Хо-Чан. – А на его левом наплечнике след от удара копья.

В шатре стало тихо. У Хо-Чана огнем горело лицо. Лица вокруг вдруг него вдруг слились во что-то общее и пугающее. Китаец снова потянулся к вину...

– Твой воин? – Бату посмотрел на Кадана.

– У меня таких удалцов сотни три, – уклонился от прямого ответа Кадан. Он спокойно выдержал взгляд Великого Хана. – И каждый из них стоит сотни других воинов.

– Найдешь и покажешь мне его, – хладнокровно сказал Бату.

Кадан склонил голову в знак согласия. Когда он поднял глаза, первый взгляд, который он поймал, был взглядом Бури. В темных и узких глазах «медведя» больше не было дерзкого вызова. Бури хорошо знал воина с нагрудником, украшенным золотым кречетом и следом от удара копья на доспехах. Весельчака-монгола звали Сэргэлэн, и не так давно он сватался к младшей дочери Бури Болорцэцэг. Бури протянул кубок и отлил часть кумыса в кубок Кадана. «Разделенное горе – уже наполовину счастье, потому что человек находит новых друзей».

«Умен же, дьявол! – не без восхищения толстяком подумал Кадан. – Все понимает мгновенно. Даже неохота ссориться с ним... ну, тогда... потом»

Снова повеселевший и явно захмелевший Хо-Чан уже ничего не видел вокруг. Он распевал вместе со всеми монгольскую песню и, вытягивая длинные ноты, по-петушиному задирает голову, обнажая худое, дрожащее от напряжения горло.

«У меня хорошие воины, – усмехнулся Бату, наблюдая за Бури и Каданом. – Если нужно, они перегрызут друг другу

глотки, как настоящие волки, но если им угрожает лань, они объединятся для охоты на нее...»

Бату подумал о том, что нужно отправить Хо-Чана в Китай. Он поднес к губам чашку с кумысом и на секунду замер. Словно соткавшись из густого, спертого воздуха и гула голосов где-то под сердцем возникло чувство раздражения. Пытаясь понять, откуда оно, Бату скользнул взглядом по лицам гостей. Хо-Чан снова пел, и его глаза превратились в узкие щели с набухшими, синеватыми веками. Бури и Кадан уже не смотрели друг на друга.

«Молчат, хотя могли бы и поговорить, – подумал Бату. Он усмехнулся: – Значит, договорились уже...»

Его мысль вернулась к китайцу. Бату наконец понял, что раздражение вызывает именно он, а не Бури и Кадан. Ему вдруг захотелось сорвать давящий на плечи тяжелый, дорогой халат и швырнуть его в китайца.

«И тогда пройдет твоя усталость...», – мелькнула в голове Бату странная мысль, обещающая облегчение.

Великий Хан тут же отогнал ее.

«Хо-Чан еще пригодится, а когда мои волки, через год, забудут его жалобу на монгольского воина, я верну мастера...»

9.

Шли медленно... Андрей сильно припадал на левую ногу. – Опирайся на плечо смелее, тряса тебя возьми, – Гри-

дя обхватил Андрея за талию и крепко взял его поясной ремень. – Что как девка голову в сторону воротишь?

– Думаю...

– А ты лютее думай, ходчей ползти будешь.

У ограды полусгоревшей Покровской церкви присели отдохнуть на горку бревен. Еще в самом начале осады татарский заряд с горючей жидкостью попал в западную стену храма. Выгорела вся стена, полностью обнажив внутренность церкви. После пожара огромный провал в стене укрыли рогожами и теперь, темные от тающего снега, они были похожи на сохнувшие, вывернутые наизнанку шкуры.

Гридя стукнул по бревну кулаком.

– Слышь, Андрей, отец Сергей кричит, мол, не отдам бревна на стены. Татары уйдут, храм восстанавливать придется, а от вас помощи не дождешься, – Гридя хмыкнул. – Пожар, мол, и тот бабы с детьми тушили, а не вы... Совсем сдурел поп.

Андрей смотрел на церковь. Ее купол и крыша еще белели снегом, а ниже уходили во тьму темные, вековые стены. Основание скрывал кустарник у забора.

– А что, не уйдет, по-твоему, татарва? – спросил Андрей.

– Не уйдет... – глухо и нехотя ответил Гридя. – Не за этим они сюда пришли, не коней попасти.

– Что ж ты там, на стене, хорохорился?

– Время такое. Когда волки вокруг, каким бы не был, поневоле к своему стаду прибиваться нужно.

– И мычать как надо?

– Что мычать?.. Я молчать не люблю.

Андрей принялся растирать пятерней колено. Досталось и ему осколком татарского камня из катапульты, но двумя неделями раньше. Ушиб все еще давал о себе знать тупой, ноющей болью.

Андрей взглянул на притихшего Гридю. Нет, совсем не из-за своей говорливости храбрился Гридя перед Данилой и его братьями. Просто не любили его в Козельске за взбалмошный, неровный нрав, вот и решил он показать всем мужской характер.

А жизнь Гриди, с самого ее начала, получилась витиеватой, как тропинка с крутого бережка. В шестнадцать лет сбежал он из дома Новгород с купцами, а через три года вернулся со скоморохами. Где свадьба или праздник – Гридя там. «Эх, жизнь весела, открывай ворота!..» Десять лет напропалую гулял, пил и скоморошествовал парень, за что и бывал бит неоднократно. Иногда пропадал из города, но всегда возвращался, и все начиналось сначала. Выпив, Гридя терял чувство меры. Он мог запросто разозлиться на ответную шутку, хотя его собственные остроты и прибаутки скромными никогда не были и тогда лез в драку. Несколько раз Андрей подбирал избитого Гридю на улице и вел к себе... Тот молча отлеживался пару дней и уходил не благодаря. А пять лет назад прибился Гридя к вдове пономаря – маленькой, невзрачной и бездетной бабенке. Все думали, опять шалит

парень, но нет... Глядь, повеселела неказистая Арина и даже глазки у нее заблестели. Через год родила она девочку, а еще через два – мальчика. Гридя изменился мало, все так же скоморошествовал, исчезал когда ему вздумается, но Арину не забывал. Детей любил – это все видели – да и жену не обижал даже когда приходил домой пьяным донельзя. Жили бедно – не много принесет домой скоморох – а когда припирала нужда, Гридя шел к своему двоюродному брату Стояну – богатому купцу. Делал, что давали и получал так же. Стоян иногда посмеивался над братом, мол, что же ты ни одной свадьбы не пропускаешь, а свою так и не сыграл? Гридя отмалчивался, предпочитая не ссориться, но в отместку мог бросить любую порученную ему работу, если где-то начинали звучать [битая ссылка] сопелки, [битая ссылка] волынки и бубна. Стоян ругался и кричал что больше никогда не примет назад «шута горохового», но прощал – кровь родная да и работник недорогой.

Гридя отвел глаза от церкви и усмехнулся:

– Слышь, Андрей, вчера старый татарин к стене приходил, сына выпрашивал. Золото обещал.

– Врешь? – слабо улыбнулся Андрей.

– Нет. Говорит, последний был сын. Говорит, отдайте, мол, мертвый он вам ни к чему. Умом тронулся старик. Руки вверх тянет, а на ладонях – вроде действительно монеты, – Гридя потемнел лицом. Он долго молчал, а потом сказал: – Слышь, Андрей... Стоян погреб роет. Особенный какой-то.

Город сгорит, а он, видно, отсидеться в норе со всей семьей решил.

– Татары и в погребке найдут.

– Я тебе говорю, что не простой это погреб. Стоян даже отдушину не в колодец вывел, а куда-то еще. Десятую неделю, как крот роет, еще до прихода татар за него принялся. Такой погреб сам черт не отыщет, не то, что татары. А они уйдут – можно на Север податься.

– Тебя-то пустит в свой ковчег?

– Я не о себе его просил, – Гридя наклонился к уху Андрея и жарко зашептал. – Я про Стояна такое знаю, что если скажу, его Данила на кол посадит. Темная душа у Стояна, хоть он свой лоб даже на воронье над колокольной крестит. Я ему так и сказал, мол, если моих детей не возьмешь, тебя не татарва, а свои кончат. О жене не просил... Не выживет без меня Аринка, слаба она. Ты тоже, Андрей... О своих ребятах ему скажи. Пусть берет, там, в схороне, дети много места не займут.

Андрей рванул голову в сторону от горячих губ.

– А потом что?... Даже если возьмет Стоян чужих детей, то почему после татарам или другим не продаст, чтобы свою шкуру спасти?

– Да я его... – со злобой начал Гридя.

– Не будет тебя, если город татары возьмут, – оборвал Андрей.

– Не веришь, значит?

– Во что?.. – Андрей встал. – Пошли. Засиделись уже.

Гридя снова подставил Андрею плечо. Шли молча, Гридя тяжело и прерывисто дышал, как после драки. Произнесенные им шепотом несколько слов были невнятные и глухие.

– Я Стояна Богом поклясться заставлю! – наконец уже громче выдавил Гридя. – Богом!..

– И кто тебе поможет: Бог или Стоян?

Свернули за угол. Андрей с тоской смотрел на свой дом в конце кривой улочки и пошел медленнее.

– Ты иди... Теперь я сам, – сказал он Гриде.

Гридя остановился. Рассматривая землю под ногами и кривя губы, он тихо сказал:

– Я всегда жизнь любил. Не так как все – по шалому любил. Для меня скука – хуже веревки или омута. А теперь... Я не смерти боюсь, понимаешь? На тот свет пойду – с собой обязательно охапку татарвы прихвачу. Все равно мне в аду гореть, вот пусть меня черти на этом «хворосте» и жарят. А дети как же?.. Их-то за что?!

Андрей молча кивнул и отвернулся

– Не хочешь, значит, как я?.. – уже в спину спросил Гридя.

Андрей ничего не ответил. Преодолевая боль в ноге, он пошел к дому. Гридя долго смотрел ему в след.

10.

Оставшись один, Бату потребовал двух молодых девушек.

Привели болгарку – темноволосую, с огромными, раскосыми глазами и славянку – светлую, стройную, с опущенным лицом. Сквозь полупрозрачные рубашки из тончайшего шелка просвечивались маленькие, упругие груди девушек.

Болгарка поняла все и сразу. Она подошла к Бату положила ему руки на плечи и улыбнулась чуть подрагивающими от напряжения губами. В огромных глазах девушки был страх и еще что-то огромное и мучительное.

Бату позабавила смелость девушки. Она прикасалась к Великому Хану, не спросив его об этом.

«Растерялась совсем, и жить хочет...», – решил Бату.

– Кумыс пить будешь? – спросил он.

– Буду! – болгарка жадно ловила взгляд Бату. Она приникла лицом к его груди. Руки девушки вдруг стали бесстыдными.

– Подожди, – Бату оттолкнул девушку и подошел к низкому, китайскому столику. Взяв серебряный бокал, он протянул его девушке. – Пей!

Девушка взяла бокал обоими руками. Она пила быстро, ее руки дрожали и по подбородку, с уголков губ, бежали мутные ручейки кумыса.

– Теперь меньше меня боишься? – улыбнулся Бату.

Девушка опустила пустой сосуд.

– Меньше... – она попыталась улыбнуться в ответ.

– Как зовут?

– Аянэ, Великий Хан.

– Кто по-монгольски научил говорить?

– Жаргал.

Красавица Жаргал жила в небольшой юрте рядом с юртой Великого Хана и старалась не попадаться на глаза жене великого Хана Боракчин-хатун.

Великому Хану стало весело.

– Ну, если не боишься меня, пей еще.

На этот раз Батый выпил вместе с Аянэ. Он обнял девушку и почувствовал, как гибко и упруго ее молодое тело. Аянэ откинула голову и закрыла глаза. Розовые щеки девушки побледнели. Батый рванул рубашку за ворот у затылка Аянэ. Прежде чем треснуть, крепкая ткань перехватила ее горло. Аянэ широко распахнула глаза – в них был ужас – открыла рот, но ничего не сказала.

За пологом у входа в юрту раздался стук палочек. Не выпуская из объятий Аянэ, Бату крикнул в сторону двери:

– Что надо?!

Просунулась растерянная, широкая физиономия ночного охранника-кэбтэула.

– Хо-Чан пришел, великий Хан, – пробормотал воин.

– Случилось что-нибудь?

– Пайцзу показал... – воин замолчал, не зная, что говорить дальше и молча хлопал вытаращенными, бараными глазами.

Бату уже собрался было прогнать дурака, но передумал.

– Зови, – коротко приказал он.

Едва войдя в юрту, Хо-Чан опустился на колени. Он заметно протрезвел и на его лице, как проплешины, светились белые пятна.

– Великий Хан, позволь мне остаться на ночь у порога твоей юрты, – китаец молитвенно приложил руки к груди. Левый рукав его халата был разорван и свисал до земли.

«Быстро же они за него взялись!» – подумал Бату о Кадане и Бури.

Он едва не расхохотался.

– Девку хочешь? – спросил Великий Хан и кивнул на вторую пленницу.

Судя по перепуганной физиономии китайцу было не до утех. Он отрицательно покачал головой.

– Тогда спи снаружи у порога, – отмахнулся Бату. – Завтра возьмем «злой город» – поедешь в Китай. Дело там я тебе найду... Иди!

Пятясь и не вставая с колен, Хо-Чан исчез за пологом. Движения китайца были неловки и резки.

«На подраненную утку похож, – подумал Бату. – А две лисы уже рядом...»

Бату взял в руки бутылку, но наполнил кумысом только один кубок. Пил долго, наслаждаясь тем, как хмельной, терпкий напиток ручейком бежит по горлу.

«Запьянеешь сильно, – попытался одернуть себя хан. И тут же решил: – А пусть!.. Твое добро и зло от тебя не убежит».

Аянэ стала глупо хихикать. Она подошла к хану и прильнула к нему всем телом.

11.

Ждана поднялась на встречу Андрею, едва хлопнула дверь. Она что-то сказала – Андрей не расслышал что – и мягкие женские руки тут же обвили его шею.

– Живой! –дохнул горячий, радостный шепот в ухо Андрея.

Андрей провел ладонью по нежной женской щеке:

– Ждешь, значит, Ждана?

Молодая женщина улыбнулась, потерлась щекой о ладонь и молча закивала головой. Ее радостно блестевшие, влажные глаза были совсем рядом.

Андрей почувствовал тугой, большой живот Жданы и отстранился.

– Ты как?.. Мать?

– Все здоровы, слава Богу! Есть хочешь?

Андрей кивнул.

Теща Влада – хмурая, прямая и высокая женщина, с суровым лицом – уже накрывала на стол. Она молча взглянула на зятя, ничего не спросила, и перевела взгляд на его ногу, когда Андрей сильно прихрамывая, подошел к столу.

Андрей ел мало и много пил... Шипучий квас бил в нос, заставляя слезиться глаза.

Теща молча наполнила деревянный таз теплой водой, поставила его у ног Андрея и ножом распорол штанину.

– Кто поверх штанов перевязывал? – недовольно спросила она. – Гридя?

– Все равно домой шли, – Андрей оторвался от еды. – Что там, сильно задело?

– Жив будешь – не помрешь, – ответила теща. – Ждана, штаны новые давай.

– А новые зачем? – удивилась жена и тут же спохватилась: – Ой, я сейчас!..

Пока Андрей ел и пил, Влада закончила промывать рану. Затем Андрея уложили на постель, и теща принялась смазывать рану какой-то сильно пахнущей травами мазью.

– Андрюша, а как там?.. – осторожно спросила Ждана. – Ну, там... – женщина кивнула в сторону южной крепостной стены.

Она замолчала и умоляюще смотрела на мужа.

– Воды еще принеси! – строго сказала дочери Влада. – Что застыла, словно дел, нет?

Ждана прикусила нижнюю губу и метнулась в сени.

Проснулись дети. Пятилетняя Лада и трехлетний Вятша подошли к отцу, но Влада не подпустила их близко.

– Ишь, взбаламутились! – ворчала Влада. – Отца только третьего дня видели. Что глазами-то его тереть?

Когда теща закончила с раной, Андрей встал, натянул новые суконные штаны и надел сапоги.

– Ну-ка, пройди по хате, – сказала теща.

Андрей сделал пару шагов. Нога болела, но шаги дались легко.

– Не туго я затянула? – спросила теща.

– Хорошо. Так легче... Спаси Бог.

– И тебя спаси. При татарах не хромай.

– Знаю, – Андрей усмехнулся. – Они как собаки, всей толпой добивать кидаются.

Теща отошла в сторону и к мужу снова и сразу метнулась Ждана.

– Андрюшенька!.. – она обняла его за шею и заплакала. – Андрюша, что будет?!

– Что Бог даст, – ответила за зятя теща уже возле двери. – Не вой без нужды.

Подталкивая перед собой детей, Влада вывела их в другую комнату.

Андрей присел на постель... Ждана – рядом и крепко сжала руку мужа в своей горячей ладони.

– Завтра татарские камнеметы и таран жечь пойдем, – сказал Андрей. – Без них им город не взять. А что дальше – видно будет.

Ждана чуть побледнела.

– За ворота снова?..

– По другому нельзя. Я на стене останусь, ходок из меня, как видишь, не очень ловкий.

Молодая женщина чуть слышно вздохнула. Андрей мол-

чал. Слов больше не было. Он снова ощутил горячее дыхание жены у щеки и губы Жданы осторожно коснулись ее.

– Мне рожать через пару недель, – зашептала Ждана. – Всего боюсь!.. Утром кошка глечик с молоком опрокинула – я от страха присела. А мама смеется. Говорит, что когда корова или овца разрождаются, они тихое место ищут. А где оно у нас тут?..

Андрей сжал зубы.

«Через пару недель...» Козельск выстоял почти семь, но за последние дни татарский лагерь увеличился чуть ли не втрое.

Андрей вспомнил о тайном подвале Стояна, о котором ему говорил Гридя. Пульсирующая боль в ноге поднялась выше, прошла через живот и дошла до сердца.

«Может, я зря я отказался? – подумал Андрей. – Что лучше: как крыса под землю забиться или тут помереть? Ведь никто живым не останется, а кто останется – мертвым позавидует. Мне-то что?.. Все равно погибать, а Ждана, мать и дети?!»

Андрею стало трудно дышать. Он хотел было нашарить ворот рубахи, рвануть его что есть сил, но пальцы наткнулись на холодную кольчугу. Андрей что есть силы сжал ее, потянул вниз, и другой кольчужный край тут же впился ему в сзади в основание затылка. Одна боль – под сердцем – легла на другую, и стало легче дышать.

– Ждана, мне бы к дядьке Тихомиру зайти надо, – глухо

сказал Андрей.

– Зачем?

– Поговорить нужно.

– Надолго? – в женском голосе легко угадывались тоскливые нотки.

– Нет... Кстати, я и дома не надолго. Чуть светать начнет – уйду.

– Значит, от Тихомира зайдешь домой?

Андрей молча кивнул. Он встал, чувствуя, как женские руки пытаются удержать его и бессильно скользят по его плечам.

– Зайду, зайду, – уже вслух пообещал Андрей.

Мелькнула мысль: «Тошно же как, Господи!..» В глазах потемнело, словно лучину на столе заволокло мраком. Проходя через комнату, в которой Влада укладывала детей, Андрей увидел тяжелый топор-колун у входа.

«Влада поставила, – догадался он. – Татарву ждет. Живая к внукам не подпустит. Она такая – Влада...»

12.

Это было... Когда же это было? Кажется, после штурма Рязани к крохотной дочери Бату Ариунтуе привязался черный котенок. Он пришел из разгромленного города, и однажды утром трехлетняя девочка обнаружила его на своей постели. Худющий котенок смотрел на нее большими, зелены-

ми глазами и беззвучно мяукал.

Ариунтуя часто и тяжело болела, (у нее шла горлом кровь), редко вставала, а во время приступов не могла даже сидеть. Девочка позвала котенка, и он охотно подошел к ее лицу. Когда служанка заметила свой промах, было уже поздно, Ариунтуя не отдала котенка.

Вечером к больной дочери пришел Бату. Котенок лежал рядом с девочкой и деловито вылизывал лапу. Бледное лицо Ариунтуи казалось спокойным и улыбочивым. Она взглянула на отца, потом показала глазами на котенка и сказала:

– Смешной...

Великий Хан сел рядом с дочерью и погладил ее по руке. Только затем он обратил внимание на найденыша и приказал хорошенько накормить его. Наевшись, котенок превратился в круглый, черный шарик. Бату взял его, но рука хана оказалась слишком сильной и грубой для тщедушного котенка. Он беззвучно открыл рот, в котором едва виднелись крохотные зубки, и впился в большой палец хана.

– Молодец! – засмеялся Бату.

Рассмотрев котенка, Бату осторожно поставил его на лапки. Котенок снова вернулся к Ариунтуе. Он зевнул, прилег, положив под грудь лапки, и задремал.

– Ганжуур! – сказал Батый дочери. – Мы будем звать его так, потому что тебя зовут Священный свет.

У маленькой Ариунтуи было не так много сил, чтобы самой ухаживать за котенком, а у самой незначительной при-

слуги семьи Великого Хана всегда находилось много других дел. Поэтому котенка Ганжуура поручили заботе пленной русской девочки лет восьми, которую выдернули из вереницы пленных, уходивших на Восток. Закопченная, в длинной рваной рубашке девочка плохо понимала толмача-переводчика. И только когда ее ударили по щеке и сунули в руки котенка, она, наконец, догадалась о том, чего от нее хотят.

Днем Бату был всегда занят и только вечерами он находил время, чтобы зайти к дочери. Ганжуур всегда был рядом с ней, а в углу юрты сидела девочка в грязной, длинной рубашке. На нее никто не обращал внимания и она, казалось, была рада этому.

Ганжуур быстро поправлялся, оказался очень жадным на еду, что тоже нравилось Бату.

– Маленькая пантера! – смеялся Бату, играя с котенком. – Если бы Небо сделало крохотного Ганжуура в десять раз больше, и он стал равен ростом собаке, ни один воин не смог бы справиться с ним.

Почти никто из приближенных Великого Хана – разве что маленькие дети, да и то не все – не разделяли странной привязанности Ариунтуи к котенку. Но, не смея обидеть любимца ханской дочери, люди вымещали досаду на пленной девочке, опекавшей его. Женщины часто били ее по затылку – «уйди, бестолковая!», «пошла вон, дура!» – и по вечерам из носа пленной рабыни часто шла кровь. Ее плохо кормили и даже зимой она ходила в одной и той же рваной рубашке.

Чтобы хоть как-то защититься от постоянных побоев, девочка старалась не выпускать Ганжуура из рук, а поколотить ее, когда она держала на руках котенка, могла только старшая жена Батыя Боракчин-хатун. Когда Ариунтуя требовала своего любимца к себе, и он оставался с ней на ночь, служанку-рабыню выгоняли из юрты на мороз с парой кусков дырявого войлока.

За зиму Ганжуур вырос, окреп и превратился в избалованного красавца. Он ловко прыгал через руку Великого Хана, когда тот этого хотел и взбирался ему на плечи, если тот того желал. Если Бату хотел жестокой игры и принимался трепать Ганжуура за шиворот, тот смело принимал бой, и ханская рука покрывалась множеством царапин.

– Пантера!.. Настоящая пантера, – смеялся Бату вместе с дочерью над разыгравшимся котенком. – Ну, на кусай, рви!

Ганжуур бесстрашно бросался на вновь подставленную для атаки ладонь человека, и тот снова от души смеялся над «славным воином Ганжууром». Только на руках у девочек – ханской дочери или пленной русской – Ганжуур затихал.

В самом начале весны Ариунтуя умерла. После пышных похорон девочки о Ганжууре и его служанке забыли. Пару недель она жила, где придется и ела, что давали овцам или собакам. Бату увидел ее случайно, во время перехода к Козельску. Он подозвал девочку, взял котенка из ее рук и удивился его худобе. Ганжуур словно стал в два раза меньше и снова превратился в тощего котенка.

Любимая игрушка умершей дочери напомнила хану о дочери. Он задумался, глядя котенка и, затем хмуро взглянув на его служанку, что-то коротко сказал ей. С тех пор Ганжур и девочка поселились возле юрты Великого Хана. На них снова почти не замечали, но, по крайней мере, стали кормить, а когда было холодно, пускали в юрту при кухне, где в самом дальнем уголке ее ждал кусок теплого войлока и какое-то подобие одеяла.

Сын Великого Хана Сартак был еще слишком мал, чтобы принимать участие в пирах отца, но если мальчик знал, что пир начался, и что за праздничным столом собралось множество великих воинов, им вдруг одолевала странная грусть. Сартак без причины сердился на своих друзей и уходил от их детских игр. Если грусть вдруг заставляла его в шатре матери, мальчик бежал из шатра, стараясь удрать от привязчивой как репей тетки Навчин, и разгуливал по лагерю, Но куда бы не лежал его путь, он всегда – часто очень медленно – вел к юрте Великого Хана.

Вечер после большого снегопада казался Сартаку длинным и скучным. Снег быстро таял, земля раскисла от влаги и ноги мальчика то и дело скользили по земле. Когда на освободившимся от облаков небе показались звезды, Сартак поселил пастухов, послушал их сказки, а затем он долго кормил собак, швыряя им куски мяса и наблюдая за их прыжками и драками. Когда мясо кончилось, Сартак пошел дальше.

Возле черной кухни, где готовили еду пастухам, он и увидел девочку с котенком.

Сартак подошел и властно сказал:

– Я знаю, это котенок Ариунтуи Ганжуур.

Девочка опустила вечно испуганные глаза и кивнула.

– Дай! – Сартак протянул руки.

Девочка послушно отдала котенка. Сартак погладил его, но Ганжуур не поспешил выказать признательность за ласку ханскому сыну и попытался перебраться на руки служанки.

– Дурной ты, – Сартак слегка шлепнул котенка и тот затих.

Мальчик снова погладил котенка, тот напрягся, но уже не пытался удрать.

– Он есть хочет? – спросил Сартак.

Девочка растерялась, не зная, что ответить и на всякий случай кивнула головой. Ганжуур, даже если его недавно покормили, через час мог съесть еще столько же.

Сартак сунул руку в карман, но вспомнил, что раздал собакам все кусочки мяса. Мальчик задумался... Идти к матери за едой для котенка значило только одно – нарваться на злую и занудливую Навчин. Бессердечная тетка была упряма и если Боракчин-хатун давала ей приказ, не спускать с сына глаз, чтобы тот не ушел далеко от дома, Навчин могла запросто пустить в ход кулаки, чтобы притащить мальчика назад.

«Можно что-нибудь найти у отца», – решил Сартак.

После пира в юрте Бату всегда оставалось много еды. Даже после того, как ее убирали целыми мешками, в юрте легко

можно было найти что-нибудь вкусное.

– Пошли со мной, – сказал Сартак девочке.

Они обогнули пару юрт, связанные цепями телеги с укрытой рогожами поклажей и пересекли площадь. Девочка молча шла сзади.

Юрта Великого Хана возвышалась как огромная гора и если бы рядом с ней не торчали колеса огромных арб, на которых она покоилась, и не мелькали огоньки внизу под ней, в наступающей темноте гора казалась бы настоящей.

Перед тем, как подняться в юрту отца, Сартак передал девочке котенка.

– Тут жди, – строго сказал он.

У входа в юрту, Сартак вдруг заметил Хо-Чана. Китаец лежал на циновке, укрывшись шерстяным одеялом и положив под щеку кулак. Он спал или притворялся спящим, но как только Сартак подошел ближе, китаец открыл глаза, привстал на локте и тревожно посмотрел на лицо мальчика.

Сартак остановился. Какое-то время мальчик и Хо-Чан рассматривали друг друга.

«Перешагнуть через него?» – подумал мальчик.

Для монгола такой поступок считался крайне унижительным, но Хо-Чан был китайцем и, наверняка не обиделся бы на Сартака.

– Твой отец не один, Сартак, – сказал Хо-Чан и виновато улыбнулся.

Начальник охраны кэбтэулов подошел к Сартаку, нагну-

ся и что-то сказал ему на ухо. Мальчик поморщился. Хо-Чан понимая, что глупо лежать, когда все стоят, и тоже встал. На измятом лице китайца светилась вымученная улыбка. Заметив котенка на руках стоящей внизу девочки, он все понял и даже вспомнил имя котенка.

– Бедный Ганжуур, – сказал он и покачал головой.

Начальник охраны отошел в сторону и сделал вид, что ему нет никакого дела ни до детей, ни до китайца, которого Бату оставил ночевать на пороге юрты.

Хо-Чан порылся в карманах и достал оттуда кусок раскрошившегося пирога. Он подозвал девочку, положил лакомство на доски, и показал жестом, чтобы она отпустила Ганжуура. Пока котенок жадно ел, Хо-Чан вытащил из кармана что-то небольшое и желтое, похожее на круглое колесико.

– Вот, смотрите, – сказал он детям.

В умелых руках китайца желтый круг вдруг вытянулся и превратился в шар, в котором тотчас вспыхнул огонек. Сартак едва справился с удивлением, а девочка улыбнулась не в силах оторвать взгляда от волшебного огонька. Страх в ее огромных глазах исчез и в них появилось любопытство.

– Я знаю, это китайский фонарик, – заявил Сартак. Он постарался сказать фразу пренебрежительно, как взрослый, но, как и девочка, по-детски не мог оторвать глаз от огонька.

Хо-Чан поставил фонарик рядом с Ганжууром. Девочка присела на корточки, а Сартак сел поджав под себя ноги. Желтый свет фонарика освещал крохотное пространство во-

круг и затенял все другие огни огромного монгольского лагеря.

«Как в шатре сидим...», – мелькнуло в голове Сартака.

Он смотрел то на котенка, то на китайца, то на девочку. Маленький мир, освещаемый желтым светом фонарика, вдруг показался ему забавным и даже интересным. Хо-Чан успокоился, и его лицо стало умным и добрым. И даже грязная мордашка девочки с нелепым, коротким и вздернутым носом вдруг стала безмятежной и даже красивой. Ее светлые, спутанные волосы, падавшие на лоб и плечи, словно светились своим особенным светом.

Откуда-то издалека вдруг донесся раздраженный голос тетки Навчин. Она ругалась и называла Сартака злым бесенком. Тетка обещала крепко держать его, когда найдет, и когда мать Боракчин-хатун будет колотить его палкой.

Сартак поморщился и подумал о том, что ему очень не хочется идти домой. Когда Ганжуур наелся, мальчик взял его на руки и стал гладить по мягкой шерстке. Котенок благодарно замурчал, но стоило Сартаку ослабить чуть ослабить руки, котенок тут же прыгнул к девочке.

– Все равно мой будет! – сказал девочке Сартак.

Та послушно протянула котенка сыну Великого Хана.

– Ладно, держи его пока сама, – великодушно отказался мальчик.

Теплый мир вокруг желтого фонарика был уютным и мягким, и даже слова, которые произносил Сартак или Хо-Чан,

звучали как-то особенно и были лишены привычной для Сартака резкой и грубой силы. Они звучали как журчание воды или шелест травы и как сладкая лепешка имели свой особенный, неповторимый вкус. Огромный монгольский лагерь полностью погрузился в тень, созданную светом крошечного фонарика.

Мимо фонарика порхнула неизвестно как пережившая выпавший снег ночная бабочка. Она исчезла, потом появилась снова, неуклюже ударилась о грудь Хо-Чана, и упала на доски настила. Все трое – Сартак, Хо-Чан и девочка чуть наклонились, стараясь рассмотреть неожиданную гостью. Бабочка лежала на спине и всеми силами старалась встать на лапки. В желтом свете фонарика она казалась желтой, черными были только ее тонкие лапки, которыми она шевелила в воздухе.

Сартак протянул к бабочке руку.

– Лучше это сделать вот так, – остановил мальчика Хо-Чан.

Он взял с настила соломинку и осторожно подsunул ее под спину бабочки. Бабочка, трепеща крыльями, тут же сползла с нее, и Хо-Чан не успел перевернуть ее. Вторая попытка мастера-китайца так же кончилась неудачей.

Глядя на руки Хо-Чана, Сартак забыл о том, что он и не думал переворачивать бабочку, а просто хотел взять ее в руки и рассмотреть поближе.

– Дай я попробую, ты не умеешь, – сказал Сартак китайцу,

когда бабочка третий раз сползла с соломинки.

Мальчик переломил соломинку и осторожно, прикусив нижнюю губу, подсунил под крылья бабочки не одну, а две тоненькие опоры. Бабочка дернулась в сторону, но Сартак оказался быстрее, а его инструмент – более надежным.

– Есть! – засмеялся Сартак, когда бабочка вспорхнула вверх и едва не задела его крыльями по лицу.

Хо-Чан улыбнулся мальчику. Коротко, едва заметно улыбнулась и девочка.

Справившись с нелегкой задачей, Сартак вдруг почувствовал себя взрослым, и ему захотелось поговорить о чем-нибудь серьезным с мастером Хо-Чаном.

– Завтра будет большой бой? – спросил он.

Тот кивнул:

– Да, господин.

– Мы победим?

– Конечно, господин. Армия вашего отца никогда не знала поражений.

Сартак хотел сказать что-то еще, но его взгляд снова уперся в Ганжуура. Котенок ласкался к девочке, высоко поднимая голову под глядящей его рукой, и громко мурчал.

«И ко мне привыкнет», – решил Сартак.

Злой голос тетки Навчин стал ближе. Она называла племянника хитрой змеей и бестолковым ослом.

«Найдет – драться будет», – подумал Сартак.

Он еще раз осмотрел лица напротив себя: Хо-Чан, непло-

хо знавший сварливую тетку Сартака, стал проявлять признаки беспокойства, а в глазах девочки снова появился страх.

Сартак вздохнул. Ему не хотелось покидать желтый круг уютного света, ласкового котенка Ганжуура, волшебный фонарик и даже Хо-Чана, с которым можно было бы еще поговорить о взрослых делах.

– Ладно, я пойду... – нехотя сказал мальчик и встал.

Голос Навчин звучал уже совсем далеко, наверное, она уже заметила людей у входа в юрту Великого Хана, но, приближаясь к ней, стала кричать немного тише.

Сартак спустился вниз и зло крикнул в темноту:

– Иди, иди сюда, дура! Сейчас я сам поколочу тебя палкой, а еще скажу маме, что ты воруетшь ее румяна. Я видел!..

Голос Навчин стих.

– Иди, впереди и не подходи ко мне близко, – Сартак топнул ногой. – Я... Я тебя... – мальчик запнулся, не найдя нужного слова. Он немного подумал и что было силы крикнул: – Дура деревянная!..

13.

...Это был все тот же сон, а точнее, его продолжение. Джучи-хан и маленький Бату настреляли дюжину уток, и горка птичьих тел на дне лодки была похожа на большую, нечистую и разодранную подушку.

Джучи чему-то улыбался и часто посматривал на сына:

– Охотник!.. – то ли с насмешкой, то ли с удовлетворением сказал он.

Бату сосредоточенно греб. Стена камыша кончилась, и лодка вышла на чистую водную гладь. Там, на ее середине, плавали два больших белых лебедя. Огромные птицы медленно кружились в медленном танце, вытягивая длинные шеи, и издавали негромкие звуки похожие «уа-а».

– Папа! – не оглядываясь, позвал Бату.

– Что?

– Давай, лебедя подстрелим.

– Зачем? – удивился Джучи. – Лебедь – не добыча. Его мясо не разжуеть сколько не вари.

Бату оставил весло. Лодка продолжала скользить по воде к лебединой паре. Та птица, что поменьше прекратила танец и направилась к свободному от камышей берегу.

Бату оглянулся. Поймав умоляющий взгляд сына, Джучи улыбнулся.

– Похвастаться большой добычей решил?

Бату жадно смотрел уже не на отца, а на направляющегося к берегу лебедя. Второй уплыл в сторону камышей, и его уже не было видно.

Джучи медленно поднял лук. Расстояние было довольно большим, но цель плыла спокойно и плавно. Свистнула стрела. В последний момент лебедь взмахнул крыльями, собираясь взлететь, и стрела угодила ему в крыло.

Бату закричал от радости. Он вскочил, едва не опрокинув лодку, и Джучи резко дернул его вниз.

– Сядь и греби!

Бату с силой, как лопату в землю, вогнал в воду весло. Вдруг пришла радостная злость, и она придала мальчику сил.

Раненный лебедь описывал широкие круги. Его левое крыло, пробитое стрелой, скользило по воде и почти не отрывалось от нее, а второе, взмывая и падая, поднимало фонтаны брызг. Когда лодка подошла ближе, раненый лебедь устремился к берегу.

– Папа, он уйдет! – закричал Бату.

Он снова оглянулся. Джучи проворчал что-то, рассматривая воду за бортом.

– Не уйдет, – коротко бросил он.

Резко поднявшись, Джучи спрыгнул в воду. Она доходила охотнику до пояса, но дно оказалось илистым и идти вперед, к добыче, было не так легко. Джучи выругался. Он произвольно оттолкнул лодку с сыном, и она скользнула в сторону, поворачиваясь к берегу кормой. Бату выронил весло, но не заметил этого, потому что смотрел только на отца.

Догнав жертву в пяти шагах от берега, Джучи вынул нож. Он поднял добычу за ее длинную шею и уже взмахнул рукой, как вдруг, из стены камышей справа, на него бросился второй лебедь. Он летел почти над самой водой и ударил Джучи сначала всем телом, а потом клюнул в лицо.

Охотник выпустил добычу. Обороняться от второго лебедя оказалось не так просто – он налетел справа, Джучи держал нож тоже в правой руке, а нанести верный удар без замаха оказалось не просто. Джучи несколько раз отмахнулся ножом наугад и не попал в цель.

Бату вспомнил о весле, когда испугался потерять из вида отца за узкой стеной камыша, которую уже миновала лодка. Но весло плавало в трех шагах от борта. Бату стал грести руками, переваливаясь с боку на бок и глубоко погружая руки в воду. Лодка стала раскачиваться сильнее, черпая бортами воду, но мальчик не обращал на это внимания.

Джучи что-то зло крикнул, но прежде чем он успел схватить нападающего лебедя за шею и нанести удар, тот снова клюнул его в лицо.

Лодка опрокинулась... Бату не сразу понял, что он оказался в воде, и вода, на вдохе, мгновенно хлынула в легкие. Отяжелевшая одежда потянула мальчика вниз, вокруг сразу стало темно и холодно. Свет уходил куда вверх, в сторону и быстро гас. Бату отчаянно сопротивлялся, но вода казалась вязкой, как болотная жижа.

«Воздух!..» – Бату буквально пронизывала одна эта мысль. Он забыл об отце, об охоте и обо всем на свете.

«Воздух!..»

Но воздуха не было, а свет уходил от него все дальше и дальше. Когда он почти погас, сильные руки рванули его вверх. Мгновение спустя, Бату увидел восходящее солнце

сквозь мокрые и слипшиеся ресницы. Оно было расплюснутым, кроваво-красным и совсем не похожим на то, каким привык его видеть маленький Бату.

Мальчик закашлялся, его тут же вырвало. Держа сына на руках, Джучи пошел к берегу. Мимо проплыл мертвый лебедь, а вокруг него растекалось по воде красное, похожее на потухшее солнце, пятно.

Джучи положил Бату на траву и принялся протирать тряпкой правый глаз.

– Подлая собака!.. Тварь длинношея! – ругался он.

Второй лебедь – со стрелой в крыле – уплыл в камыши. Когда Бату немного пришел в себя и приподнялся на локте, он увидел его через редкую стену зарослей. Раненая птица пыталась выбраться на берег, но ей мешала рана и скользкая глина под красными лапками.

Бату слабо окликнул отца и показал на лебедя. Джучи шагнул было в воду, но, сделав пару шагов, провалился почти по пояс. Дальше было еще глубже, и Джучи вернулся на берег.

– Сам сдохнет! – зло сказал он сыну. – Ты как?.. Встать сможешь?

Бату встал... Его слегка покачивало и тошнило.

– Идти сможешь?

Мальчик сжал зубы и кивнул.

Джучи перевязал раненный глаз. Повязка получилось не очень умелой, и лицо отца вдруг показалось Бату смешным.

Мальчик возмутился и тут же одернул себя.

Они возвращались домой молча. Бату несколько раз пытался взять отца за руку, но тропинка в камышах, идущая вдоль берега, к тому месту, откуда они начали охоту, была узкой и иногда уходила под воду. Мешало и то, что Джучи часто подносил правую руку к лицу, и хотя уже не ругался, но сердито ворчал что-то. А потом Бату увидел кровь на его длинных пальцах.

Бату хорошо запомнил спину отца: высокую, худую и чуть сутулую...

Джучи-хана убили через три дня. Из-за раненного глаза он слишком поздно увидел взмах сабли справа и когда Джучи схватился за рукоять своего меча, ему отсекли руку. Второй удар – в голову – был уже смертельным.

Маленький Бату видел расправу издали – отец и присланные дедом Чингисханом воины стояли на берегу Енисея. Их фигуры были хорошо видны на фоне светлой воды. Рядом с Бату, чуть сзади, положив руки на его плечи, стояла его мать Уки-хатун.

– Пойдем домой, – тихо сказала она Бату, когда Джучи упал. Она резко развернула мальчика и подтолкнула его к юрте.

– Мама, нас тоже убьют? – спросил Бату.

– Нет.

– Почему?

Уки-хатун ничего не ответила. Бату шел рядом с матерью и пытался заглянуть ей в лицо. Оно показалось ему скорбным, темным и даже больным. Женщина что-то тихо прошептала, и Бату уловил обрывок фразы: «Я же ему говорила!...»

«Что говорила?» – подумал Бату.

Мысль о смерти отца была ужасной и огромной, как бездонный омут. Бату вдруг почувствовал страх... Он понимал, что если его мысли сделают только один шаг вперед, этот омут раскроет свои объятия и поглотит его, как хотела поглотить вода тогда, на озере. Бату оборвал свои мысли и молча смотрел на землю. Он старался не думать о смерти отца и не верить в нее.

Уки-хатун тихо, без слез заплакала. У нее дергалось лицо, и она прикрывала подбородок рукой.

Мимо и довольно низко пролетела стая лебедей. Судя по всему, они готовились к перелету на юг и издавали громкие, протяжные звуки. Гораздо ниже стаи летел один лебедь и словно рассматривал маленького Бату. Большая птица тяжело взмахивала крыльями и даже удаляясь, как казалось Бату, смотрела на него...

Сон отшатнулся и стал похож на прозрачную шелковую занавеску.

– Саин-хан!.. – окликнул Бату женский голос и тихо засмеялся.

Бату открыл глаза и долго смотрел во тьму. Болела голова. Пульсирующая и резкая боль, то стихала, то, словно протискиваясь через мозг ото лба к затылку и жгла острой, раскаленной иглой. Великого Хана мутило от выпитого, он вспоминал то недавний сон, то еще что-то, уже ускользнувшее из его памяти, что произошло перед тем, как он уснул.

Сон о далеком детстве уходил все дальше и дальше, а смутное воспоминание о недавнем событии словно задернули огромным куском дырявого войлока. Там, за завесой все еще что-то происходило, кружилось белыми, похожими на падающий снег красками, но отдельные крохотные картинки упрямо не складывались в единое целое.

Бату раздражало все: хаос и боль в голове, неудобная поза, темнота вокруг и даже полная тишина. В вытяжном окошке в центре юрты был виден крошечный кусочек неба. Один край окошка освещала яркая луна, и он красиво серебрился, как свежее пробитая во льду полынья.

Бату медленно, с заметным усилием сел. Боль в голове хлынула к затылку, и лоб покрылся холодной испариной. Великий Хан перетерпел боль. Он потер руками лицо и громко сказал:

– Эй!.. Кто там?!.. Свет сюда!

«Саин-хан...», – вспомнил Батый женский голос, позвавший его из темноты.

– Аянэ!

Никто не ответил.

Полог юрты поднялся, открывая сначала звездную ночь, а потом горящую лампу в руках рослого кебтеула. Пахнуло свежим, чистым воздухом. Тень воина быстро заслонила ночь за порогом, и почти тут же исчезло ощущение ночной свежести.

– Поставь... – Бату кивнул на лампу и показал глазами на низкий, китайский столик.

Воин поклонился и выполнил приказ.

Бату осмотрелся... Рядом с ним лежала мертвая девушка. Это была та, вторая пленница. У нее было белое, как мел и очень строгое лицо. Аянэ в юрте не было. Горло мертвой прикрывала подушка, Батый приподнял ее и увидел синие следы пальцев на шее.

Память возвращалась медленно. Куски войлока рвались с тихим шорохом, а картины, всплывающие в памяти, становились больше и ярче.

Бату не помнил причины убийства рабыни. Вспышка гнева пришла внезапно, и единственное, что всплыло в его памяти, была острая, пронизывающая сердце радость, когда он сжимал пальцы на тонком и теплом горе жертвы. Перед глазами вдруг промелькнул осколок сна: Джучи-хан держит за длинную шею быющего крыльями лебедя... Мелькнул и исчез.

Бату перевел взгляд на кебтеула. Воин тут же опустил глаза.

– Хо-Чан где? – хрипло спросил Бату.

Воин молча кинул в сторону двери.

– Спит, что ли?

Воин снова кивнул.

– Позови его.

Воин вышел, и, как показалось Бату, почти тотчас вошел обратно и шагнул в сторону. За ним, сложив ладони у груди, стоял Хо-Чан.

– Убери, – Бату показал китайцу на мертвую девушку. Он со злой усмешкой рассматривал потемневшее лицо Хо-Чана. Чем большее раздражение и злость чувствовал Бату тем, казалось, меньше болела его голова. Боль словно растворялась в чем-то гораздо большем, чем она сама. К Великому Хану быстро возвращалась его привычная сила.

Хо-Чан подошел к девушке. Нерешительно оглядев труп, он обнял ее, как обнимают ребенка, и без особого усилия поднял перед собой. Какое-то время он смотрел на Бату, словно ожидая, что Великий Хан отменит свой нелепый приказ.

Бату потянулся к столику, взял чашу с кумысом и медленно выпил ее до дна. Боль в голове уходила с каждым глотком.

– Что стоишь? – усмехнулся Бату. – Меня ждешь? Один иди.

У порога Хо-Чан едва не споткнулся о брошенную вещь, но его поддержал за плечо воин. Китаец механически поблагодарил, и та же рука грубо вытолкала его из юрты.

Сразу за порогом, не сделав и трех шагов, Хо-Чан остано-

вился.

– А куда ее нести? – виновато спросил воина.

Тот молча пожал плечами.

Хо-Чан растерялся... Лагерь монголов был огромным, он не знал, где хоронят убитых и умерших воинов, а просто бросить труп где-нибудь не было возможности. Вся территория лагеря была поделена на большие и маленькие куски, которые кому-то принадлежали, их охраняли от чужих, а при случае, защищали с помощью оружия.

Хо-Чан пошел прямо. Он думал и не находил выхода из создавшейся ситуации. Нести девушку в рощицу, где расположились его рабочие, было слишком далеко. Кроме того, этот путь пересекал небольшой овраг, по которому Хо-Чан приказал откачать воду из крепостного рва. Воды в овражке уже не было, но его дно стало топким и илистым, как болото. А обходить овраг с ношей, которая становилась все тяжелее и неудобней, было бы трудно и для физически сильного человека.

На секунду в свете луны Хо-Чан увидел мертвое лицо девушки. Оно показалось ему удивительно тонким и красивым. Китаец быстро отвел глаза.

Он попытался поговорить со старым монголом, который вез на тележке огромный тюк войлока. Но разговора о кладбище и о тележке, которую Хо-Чан был согласен купить за очень большие деньги, не получилось. Во-первых, старый монгол был пьян, во-вторых, судя по гортанным крикам, ко-

торые он адресовал не китайцу, а кому-то за своей спиной, старик поссорился со своим старшим сыном и теперь, перебираясь к младшему, он мог думать только о своей обиде.

В конце концов, Хо-Чан решил выйти за территорию лагеря и оставить мертвую девушку в поле. Дорога по кривым «улочкам» лагеря, да еще ночью, оказалось нелегкой. Несколько раз Хо-Чан попадал в тупики, возвращался, иногда отдыхал, осматриваясь по сторонам и пытаясь выбрать верный путь. Начинал он его с тяжелого, горького вздоха.

Чем длиннее становилась дорога Хо-Чана, тем короче становились его мысли. Он думал о Великом Хане (да продлит Небо его дни!) и, не понимал, чем был вызван ханский гнев, и почему именно ему была поручена работа рабов. Когда приходил страх, Хо-Чан успокаивал себя тем, что Бату не отнял у него серебряную пайцзу.

«Думай о том, что все могло быть хуже и станет легче», – не без горечи посоветовал он сам себе.

Больше всего на свете Хо-Чан любил две вещи: работу и свое вечернее одиночество. И первое, и второе занятие погружали его в мир привычных мыслей, в которых он великолепно ориентировался. По желанию Хо-Чана этот освещенный лампой мир мог быть крохотным – от локтя до свитка рукописи – или огромным, до самого неба, когда он устало закрывал глаза и размышления устремлялись куда-то далеко-далеко. Читая пятисотлетнюю рукопись или конструируя новую машину, Хо-Чан всегда находил в этом занятии уди-

вительное чувство покоя. Но даже найденное им верное инженерное решение или философская мысль, способная поспорить с многовековой мудростью, вызывала в нем только кратковременную вспышку радости. И то и другое казалось ему закономерным итогом труда. Хо-Чан верил, что труд, как вода, способен разрушить горы и создать на их месте дворцы, а главное, подарить человеку ощущение спокойной гармонии. Мысль перетекала в труд, а труд – в новую мысль... Теперь же, на ночной дороге, даже облегчающая мысль о пайцзе, едва взгляд Хо-Чана наталкивался на лицо мертвой девушки, вдруг бледнела, привычный круг размышлений рвался и обнажал пугающую темноту вокруг. Темнота была реальной, она веяла ночным холодом, пахла мокрой землей и в отличие от желтого круга, длиной от локтя до свитка рукописи, была вне власти Хо-Чана...

Китайский мастер все больше страдал от тяжести своей ноши. Его дыхание постепенно становилось прерывистым и шумным. Голова постепенно освобождалась от мыслей (что от них толку, если они не облегчают ношу?!) и только где-то там, совсем глубоко, и не в голове, а под сердцем, Хо-Чана беспокоила неясная догадка, что он забыл что-то очень важное.

Кое-как пробравшись едва ли не через стену из низких, бедных юрт, Хо-Чан, наконец, увидел огромное, вытопанное лошадьми поле.

«Шагов бы тридцать еще, – простонал про себя мастер. –

Если увидят, что хороню мертвую слишком близко к лагерю, и пайцза не поможет. Кто ее в темноте рассматривать будет?»

Хо-Чан успел насчитать двадцать один шаг, как вдруг его окликнули сзади. Он вздрогнул и обернулся – его догоняли пять или шесть монголов. Свет луны освещал не их лица, а только кончики носов и одинаковые выпуклости щек под черными глазными впадинами. Хо-Чан почувствовал, что от страха на его лысеющей голове зашевелились волосы.

«Вот что, оказывается, я забыл...» – подумал он.

Среди приближающихся монголов Хо-Чан легко узнал того, на которого жаловался Великому Хану.

Монголы окружили Хо-Чана и сдернули ношу с его плеча. Потом, снова молча, его повалили на землю. Хо-Чан почти не сопротивлялся. Во-первых, он сильно устал, а, во-вторых, любой из его противников был гораздо сильнее его.

– На спину его переверните, – сказал кто-то из монголов.

Хо-Чана послушно перевернули на спину. Он увидел луну, она была мутно-выпуклой и словно плыла в воде.

«Какая тоска!...» – успел подумать Хо-Чан.

Тот же голос, который отдал первый приказ, сказал, куда нужно бить. Хо-Чана ударили кулаком под сердце. Потом еще и еще раз... Били в одно и тоже место, сила ударов была примерно одинаковой, но боль в груди Хо-Чана росла как снежный ком.

«Тоска!...» – снова пронеслось в его голове.

Хо-Чан хотел закрыть глаза, но не смог. При каждом сле-

дующем ударе он открывал их и снова видел плывущую в светлой пленке слез луну. Она становилась все темнее, багровела и уходила куда-то за голову мастера...

14.

Дядьку Илью, взявшего при постриге в монахи имя Тихомир многие в Козельске, кто старше тридцати лет от роду, знали и под другим именем – Лихарь Трещепа. Трижды жизнь круто ломала дядьку Андрея и валила его с ног.

Первую семью – жену и годовалого малыша – Илья потерял, когда ему не было и двадцати двух лет – на зимний обоз, шедший в Чернигов, налетели половцы. Перед этим Аннушка все просила мужа, отпусти, мол, к матери хоть на недельку, болеет она, может быть, уже и не увижу ее больше. Вот и не увидела... Из всего обоза в живых остался только раненый старик-возница. Половцы словно в насмешку не стали его добивать. Он и рассказал Илье, что увели Анну с ребенком в Дикое Поле.

Так стал Илья Лихарем... Пять лет жену искал. Любой поход в Дикое Поле без него не обходился. Дважды привозили его в Козельск чуть живого, но – Бог миловал – оживал Лихарь и со временем сильно изменился – словно стал выше ростом и шире в плечах. Бывало отрядом в полсотни человек и меньше, без воли князя, уходил он в далеко Степь – и на пять дней пути и на десять. Гуляли страшно!.. Ночью нале-

тали на половецкие становья и если осиливали тех, кто мог держать саблю, то остальных рубили уже без разбора. Назад русских пленных приводили, но мало... Половцы торговали рабами, а если продавали их на Восток или в Византию – по-ди, отыщи там человека.

Через пять лет, поутих немного Лихарь – снова женился. В Дикое Поле если теперь и ходил, то только по княжеской воле. А старому князю такие опытные воины были нужны больше золота. Через многое прошел Лихарь, и рядом с таким бойцом если выживали юнцы, то быстро превращались в настоящих воинов.

Через год жена Лихаря Милослава родила двойню. Жили хорошо и не бедно. Старый князь Лихаря жаловал, а тот без дела никогда не сидел.

Еще пять лет прошло, как-то раз пожаловал в Козельск на свадьбу дочери старого князя рязанский боярин Жирослав. Год назад у Жирослава жена умерла и через пару хмельных, свадебных дней потянуло его на откровенную гульбу. Посадил боярин в сани, запряженные тройкой горячих коней, пару веселых бабенок, возницу и – айда по улицам! Чуть сани замедлят, Жирослав возницу – кулачищем в спину: мол, гони!.. На крутом повороте не справился возница – сбили кони забор возле дома Лихаря и только у крыльца остановились. Милослава на улицу выскочила, глядь, а два ее сыночка – Владислав и Глеб – там, под санями. Не своим голосом взывала женщина. Достали детей, Владислав – мертвый,

а Глеб пару минут подышал и – к Богу отошел. Милослава умом повредила, все понять не могла, как же, мол, так?!.. Только что были живы ее детишки, под окном снежную крепость лепили и вот – нет их.

Лихарь в то время в отлучке был – князь по делам послал, а вернулся – ни семьи, ни дома. Через день (не усмотрели соседи) сожгла свой дом Милослава и сама в нем сгорела.

Жирослав – сбежал. Откупные деньги за смерть детей и жены Лихаря – князю оставил. Возницу розгами до смерти засекали, и даже тем шалым бабенкам, что с боярином гуляли, немного досталось. Вот и весь суд...

Почернел лицом Лихарь. Какое-то время жил у брата и никто от него ни единого слова не слышал. Андрею тогда лет шесть было и одно ему в память врезалось – широченная, как печь, спина дядьки Ильи-Лихаря, лежащего на лавке лицом к стене. Только раз встретился маленький Андрей глазами с дядькой, и словно холодом окатило его с ног до головы.

Через неделю ушел от брата Лихарь и пропал. Слух был – с половцем Хамчей спутался. Среди половцев тоже разные люди бывают и не так уж редко какой-нибудь младший, но бойкий сын хана сам искал свое счастье, которое его отец полной мерой отвалил не ему, а старшему отпрыску. Сабля, конь да десяток отчаянных воинов – вот и все наследство «младшего хана». На Русь такие отряды совались редко – слишком уж малы были – уходили на земли других дальних родов и племен, там или поступали на службу другому хану,

либо грабили и гибли без следа.

Чем Лихарь Хамчу сманил и как удалось ему повести его отряд к Рязани – никто не знал. Слух такой, да, был, но появился он только после того, как Жирослава, по дороге в одну из его деревенок, перехватил неизвестно откуда взявшийся половецкий отряд. Люди говорят, был среди них и Хамча. Короткой и злой получилась сеча, в которой poleg весь отряд Жирослава сплошь состоящий из его многочисленной родни. А самого боярина, еще живого, привязали за руки и за ноги к хвостам необъезженных лошадей.

Еще десять лет о Лихаре не было ни слуха, ни весточки и в каких краях его носило – никто не знал. Правда, кое-кто говаривал, что будто бы видели его то в новгородской рати, то в северской – если новгородские и северские князья враждовали с Рязанью – а то опять с половцем Хамчей.

Вернулся Лихарь в Козельск с юной женой – совсем девочкой. Говорили, еще крохотной девочкой Ольга в полон попала, жила сначала у половцев, потом – в Византии, там ее Лихарь и нашел. Русский язык она плохо знала, часто путала слова, а когда путала, вдруг улыбалась удивительно светлой и доверчивой улыбкой.

Лихарю в то время уже за сорок лет перевалило. Деньги у него были, поставил новый дом, зажил... Видно было – к своей юной жене всем сердцем привязался, потому и поостыл к своему разудалому житью. Если и улыбался он – только Ольге, если говорил какое-то ласковое слово – опять

только ей.

Князь по старой памяти – о Жирославе уже забыли – Лихаря снова к себе позвал. Говорили они долго, а о чем люди только потом догадались – молодых бойцов учить. Всем умел биться Лихарь – мечом, копьём, палицей, топором, ножом и дай ты ему обыкновенную кургузую оглоблю, и та вдруг оказалась бы страшнее меча в его руках.

Через три года родила Ольга Лихарю мальчика, а еще через два унесла их обоих – и жену и сына – злая простуда. Хоронили мать и сына в одном гробу, так Лихарь приказал. Страшен он был в своем горе, так страшен, что слов утешения от людей не услышал – попросту боялись к нему подходить. Старухи шептали, мол, как бы умом Лихарь не тронулся. Не переживал он, а словно пережевывал свое горе кро-воточащими, беззубыми деснами сердца, давился им, не в силах принять в себя, а отвергая, видел пустой дом, пустые детские полаты и глож от страшной, беззвучной тоски.

Осел Лихарь... Не сам – горе придавило. Теперь кому мстить – Богу, что ли, спрашивается? А где Он?..

На третий день, утром, священник Успенского храма отец Сергей нашел Лихаря спящим прямо у порога церкви. Разметал руки богатырь, уткнулся лицом в землю и вроде как не дышит. У правой руки – потухшая смоляная тряпка на длинной палке.

Позвали людей, подняли Лихаря. Сначала замычал он что-то, оглянулся вокруг удивленно, а потом – глядь – вдруг

заплакал как обиженный ребенок. И по седой бороде – слезы величиной с горошину. Люди молчат, а чем ему поможешь?

Только священник ему несколько слов сказал:

– Хочешь – уходи, хочешь – оставайся. Первое – твоя воля, вторая – Божья. Какую хочешь, такую и выполняй.

С тех пор и остался Лихарь при храме. Год прошел, на Пасху – постриг принял и имя Тихомир. Изменился так – не узнаешь. Похудел, поседел еще больше и вроде как меньше ростом стал, потому что в землю смотрел, а не на людей. Жил в домике, что от покойного дьяка остался, тихо, и так мирно, что даже собаки возле его дома не брехали, петух утром и тот кричал только трижды и смолкал сразу же.

Разные слухи о бывшем Лихаре и теперешнем Тихомире ходили. Самый главный, что, мол, в ту ночь, когда он церковь палить пошел, явился ему ангел и показал тот ад, который его ждет. Кое-кто из-за этих слухов шарахался от Тихомира, но сам Тихомир на это внимания не обращал. Любил на свете только одно – детей, а те – его. По вечерам, когда солнце на крепостную стену уходит, собиралось в его хатке (а если тепло – во дворе) по десятку и больше ребятишек, а он им сказки рассказывал. Разные сказки, бывало что и нерусские, какие он в чужих краях слышал. Но больше всех ребятня одну сказку любила – про Жар-Птицу. Мол, жил однажды человек, который мечтал о невиданном никем счастье под названием Жар-Птица. Однажды, в своем саду, увидел он ее, не растерялся и накинул крепкую сеть. Но тут же вспыхну-

ла ярким огнем Жар-Птица и сгорела – один пепел от нее и остался. Растерялся человек... Пошевелил пальцем легкий пепел да и пошел домой. Только он дверь открыл, глядь, сзади него яркий свет. Оглянулся человек – а Жар-Птица опять на ветке сидит. Вот только поймать ее нечем – сгорела сеть. Покачал человек головой, вздохнул и говорит: «Хитра ты, Жар-Птица, ишь как ловко от меня освободилась». Та ему отвечает: «Глупый ты человек!.. Я каждый вечер сгораю и воскресая из пепла. Если бы я в твоём доме сгорела, сгинул бы ты вместе со мной».

С приходом татар кончились сказки Тихомира, кончилась и мирная жизнь. Хоть и стар, а все равно ходил на стены монах, пока не задела его в плечо злая татарская стрела.

15.

... Скрипнула не запертая дверь и Андрей сказал:

– Ну, здравствуй, дядя Илья.

Никак иначе Андрей никогда дядю не называл. А сам Тихомир с этим и не спорил.

– Попить бы... – Андрей оглянулся и увидел ковшик с водой на узком подоконнике. – Свежая?

– Крещеная, – улыбнулся Тихомир. – Увидел – пей.

– Для себя принес?

– Для тебя. Как снег пошел, понял, передышка будет, зайдешь.

Андрей залпом выпил воду. Повертев ковшик в руке, он поставил его на место.

Тихомир сидел за столом и чинил старую сеть. Лучина давала мало света, старик подслеповато шурился, отчего казалось, что он улыбается своим мыслям.

– Поговорить я пришел, – глухо сказал Андрей, присаживаясь за стол напротив дяди.

– Вижу, – Тихомир кивнул.

– Второго дня... – Андрей запнулся. – В общем... Не знаю, как сказать... Еська Грудной своих детей порезал. Двух мы отбить успели, а остальных... – Андрей замолчал, уткнувшись взглядом в стол. – Не в себе Еська был... Кричит: лучше, мол, я сам, чем над ними татарва измываться будет. Ну, связали мы его... Жена Ески, Болеслава, в истерике заходится, младший сынишка кровью исходит... Данила велел людей прогнать, чтобы не видели такого. Оно и верно. Днем все это случилось, я смотрю, а у меня в глазах темнеет... – Андрей долго рассматривал стол, а потом спросил: – Как жить, дядя Илья?

Старик отложил сеть и взглянул на потупленное лицо племянника.

– Когда татары в город войдут? – без выражения спросил он.

– Скорее всего, завтра. Данила всех наших утром за ворота поведет – камнеметы рушить и таран жечь, кое-кто на стенах останется...

– Не удержите город?

– Против такой силы – нет, – Андрей поднял глаза. – Времени мало осталось, может быть до завтрашнего утра, но и это время еще прожить нужно. Вот я и хочу тебя спросить, как и где Бог? Еську мы в сарае связанным оставили, он не успокоился и – грудью на косу. Я слышу, в сарае кто-то то ли хрипит, то ли плачет. Дверь приоткрыл, а Еська на коленях стоит и на косу, как жук на иголку, сам себя нанизывает. Кровью исходит, плачет, а на косу грудью давит. Я его трогать не стал... И, может быть, потому что впервые в жизни у меня сердце, как заячий хвост, задрожало.

Старик вздохнул, приподнял сеть и стал рассматривать ее ячейки. Он уже не шурился, а его темные глаза казались застывшими и незрячими, как у слепого. Андрей ждал ответа. Старик молчал.

– Дядя Илья...

– Что? – Тихомир положил сеть на стол, но не взял иглу, а смотрел на нее и думал.

– Давно спросить тебя хотел, вот ты говоришь, Бог... – уголок рта Андрея повела вверх кривая усмешка. – Ладно, я тебя не спрашиваю, где Он и почему все так в жизни происходит. Задавал я уже как-то раз такие вопросы попу Сергию, а он мне в ответ только: «На все воля Божья и никто не ведает промыслов Его». Отойти не успел, гляжу, к нему Бажена, дочка Ивана Смольняка, спешит. У нее трое детей, а мужа еще в начале осады убили. Короче говоря, бабенка вся

слезами исходит, и тот же – мой! – вопрос задает: почему все так?.. как жить?! Сергей снова в ответ: «На все воля Божья». Если бы еще кто к нему сунулся, то поп...

– А что он еще сказать-то вам может? – оборвал племянника старик.

– Что, если Бог – один, то и ответ – один? – недобрая усмешка Андрея стала шире. – Завтра татарва моих детей, жену и ее мать резать начнут – и на то Божья воля?

– Нет.

– А чья тогда? – Андрей подался вперед и навалился грудью на стол. – Тебя жизнь трижды на землю валила, все отняла, а Бог где был? К тому же, Он ведь вроде как Троица, но хотя бы один из них тебе помог? Никогда не задумывался, а теперь спрошу: что это за Троица такая, а? И почему именно Троица? У нас зимой дети снежную бабу лепят: внизу большой снежный шар, посередке – меньше, а наверху, с морковкой и угольками вместо глаз – совсем маленький. И вроде как единым все у детишек получается, а одним словом – снежная баба. С Богом все так же, что ли, или сложнее?..

Тихомир молчал.

– Нет, ты мне объясни! Если я пойму, как Бог устроен, может мне легче станет? Может быть, я тогда пойму, почему Ждане с еще не рожденным малышом завтра умирать придется. Что это за такой Тройной Бог у нас, а?

Лучина на столе замигала, и Тихомир долго и осторожно поправил ее. В свете крохотного пламени задумчивое лицо

старика казалось строгим и чистым.

– Я, Андрей, много на своем веку повидал: и людей, и мест, но как устроена Троица не знаю. А скажу тебе так, к примеру, на солнце можно и не смотреть, а понять, где оно – над головой или у горизонта, утро сейчас или вечер – любой человек может. Вот так и с нашей Троицей... Если по-человечески судить, Бог-Отец – как великое море. Ты его не видел, а это море жизнь всей земле дарит, потому что жизнью дышит. Дух Святой – как облака в небе, где прольется дождь – там и благодать. Утром пар над землей или туман видел?... То и есть жизнь – ее Дух. Ни трава, не пшеница не поднимется, если земля паром исходить не будет, и облака не поплывут. Жизни вода нужна...

Андрей слушал, глядя в сторону и опустив глаза.

– Бог – как вода, значит? Ладно, воду я вижу. А Христос, по-твоему, где?

Старик чуть заметно улыбнулся:

– Ты когда ко мне пришел, воду пил?

– Ну, пил.

– То и есть Христос. Бога только снаружи не бывает. Ведь ты и страдаешь от того, что в тебе Бог есть. А не было бы Его, разве у тебя душа болела?

Андрей вскинул голову.

– А завтра?... Может быть, ты мне еще сказку о Жар-птице расскажешь, чтобы мне полегчало? Или ты эту сказку только для себя придумал, чтобы забыть всех своих жен и детей,

которых потерял?

– А терял ли я их, Андрюша?

Андрей отстранился от Тихомира. Он положил руки на стол, взявшись ими за углы, словно пытался удержать себя и не встать.

– Это как же так не терял? – тихо спросил он.

– А так... Я же своих как любил, так и люблю. А тогда чего лишил меня Господь? Того, что их рядом нет?.. Но тогда почему они во мне жить продолжают?

– Временный рай в своей душе устроил, что ли? – недобро спросил Андрей. – Только кончится этот рай, дядя Илья, завтра на кончике татарской сабли. А как нам всем принять другой рай, небесный, после такого ада на земле, что нас завтра ждет?

– А есть ли он, этот рай на земле или небе, Андрей? Он ведь, если и есть, то, поди, забором обнесен. Вот только люди – как дети, все равно через него перелезут.

– Тогда во что же ты веришь, если не в рай? И что человеку нужно, если ему даже райский забор мешает?

– Бог нужен, Андрюша, а не забор. Если ты к огню руку протянешь, что будет? Обожжешься. А если к Богу – свою душу? Обожжешься или обожисься?.. Кто-то об этом не думает, кто-то – боится думать до времени, но если у бочки дно вышибить, куда вода потечет? На землю, потому что в земле рождена, а потом – Бог даст – она снова дождем на землю прольется. Уже и капли, и люди другими будут, но суть-то в

них одна – Божья...

Андрей молчал, глядя на снова замигавшую лучину. Он сжал челюсти так, что было слышно, как скрипнули зубы. Рука потянулась ко лбу и стиснула его изо всей силы.

– Слова это только, дядя Илья... Слова!

– Мои – да. Но и Бог – Слово.

Андрей тяжело оторвал руку ото лба, протянул ее и счистил ногтем с лучины слой пепла. Она тут же радостно вспыхнула, освещая избу до самого темного угла. Пламя казалось удивительно чистым и светлым.

– Прорвется завтра татарва через наши стены и никому жизнь больше раем не покажется, – глухо сказал он.

Племянник потер лицо рукой, сгоняя с него остатки усмешки. Его взгляд вдруг подобрел, когда он взглянул на старика.

«Постарел он сильно за последнее время, – подумал Андрей о дядьке. – Жизнь прожил, а счастья не нашел... Вот и придумывает сказки».

...Андрей вернулся домой только поздно ночью. Ждана не спала, и, привстав на локте, с надеждой и болью смотрела на мужа.

– Что там, Андрюша? – спросила она.

– Все тихо... Я полежу немного, чуть светать начнет – растолкаешь.

– Разденешься? Я помогу... – Ждана быстро встала.

– Только кольчугу снять да сапоги... И смотри, не проспи.

Андрей лег рядом с женой, она прильнула к нему всем телом, и он почувствовал теплоту ее тела. В бок мягко давил большой живот Жданы. У Андрея сжалось сердце и как игла укололо острое чувство тоски. Тоска была серой и беспроектной, как болотный, больной туман.

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, – услышал он шепот Жданы. Он был совсем рядом, и Андрей ощущал теплое дыхание женщины. – Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас...

Слушая голос жены, Андрей немного успокоился, тоска отшатнулась и он подумал: «А может быть, прав дядя Илья? Если Бога нет, что тогда есть?.. Только татарва и смерть? Правда, про рай я с дядькой не соглашусь. Крепкий забор должен быть у рая, чтобы его ни черти, ни татарва не провала...»

Пришел сон. Уже сквозь его легкую пелену пробилась еще одна мысль: «Скоро уже...»

16.

Бату проснулся еще до рассвета. В дымоходе было видно темно-серое, без звезд, небо. В юрте никого не было, и только огонек лампадки в углу освещал ворох одежды похожей на сжатое, темное лицо.

Великий Хан не стал никого звать. Он зажег несколько

светильников от лампадки и оделся сам. Кряхтя и часто поводя плечами, (доспехи легли не очень ловко) он долго расхаживал по юрте, ища старые, удобные и разношенные сапоги. Иногда Великий Хан что-то бормотал про себя, но еще ленивая, утренняя мысль тут же ускользал от него. Ругая слуг, Бату заставил себя злиться, и мысль постепенно окрепла. Она пошла дальше, к тому, что предстояло сделать сегодня. В теле постепенно прибавилось силы, а в голове ясности.

«Последний дни здесь, – подумал он. – В Степь пора... Там дел много. Не только Кадан и Бури волками на меня смотрят».

Мысль вдруг снова обрывалась и вернулась к необходимости найти куда-то пропавшие сапоги. Бату сел и оглянулся вокруг.

«Отдать бы «волкам» эти сапоги, пусть их рвут себе на забаву», – подумал он и через силу улыбнулся.

Великий Хан уже давно заметил, что на утро после буйного пира у него, как правило, резко падает настроение, подступает раздражительность, и именно поэтому он не позвал никого из слуг. Какая-то странная, тягучая и мягкая мука словно сжимала его сердце, беспокоила разум и не давала покоя. И она становилась сильнее, если захмелевшему хану снился сон о последней охоте с отцом, а это случалось не так уж редко. Давно исчезнувший мир манил его к себе, как бездонная пропасть; отталкивал, как покрытая пылью, сло-

манная детская игрушка и в тоже время был чем-то неуловимо похож на нежную руку матери. Одиночество уменьшало страдания Бату. По крайней мере, не нужно было соблюдать церемониал одевания и бестолковую суету слуг вокруг себя, никто не прикасался к нему бесконечное количество раз, поправляя что-то, и никто не шептал на ухо торопливые новости и непроверенные слухи...

Бату взглянул на свои босые ноги и пошевелил пальцами. Он вдруг подумал, что сейчас неплохо было бы и в самом деле отправиться на утиную охоту и подышать речным, чистым и влажным воздухом. Застоявшийся запах в юрте сочетал в себе и грубый дух военного лагеря, и китайские благовония, и ароматы женской одежды. Каждый из бесчисленных визитеров и гостей хана приносил свой запах, усиливая мешанину и делая ее еще более неприятной.

«А на озере сейчас хорошо, наверное...», – растерянно улыбнулся Бату, продолжая рассматривать свои ноги.

Он вдруг подумал о том, что отец убил одного лебедя, а второй, с простреленным крылом, ушел.

«Не мог он уйти! – оборвал себя Бату. – Сдох в камышах и не думай об этом. Идти пора...»

Если утром Бату собирался один, все знали, что Великий Хан появится на пороге своей юрты неожиданно, и будет выглядеть очень грозно. Бату начинал говорить сразу и это были жесткие приказы, поднимающие с места десятки тысяч человек. Одно слово Великого Хана переставляло с места

на место многотысячные тумены и как ветер, поднимала отдельные отряды конницы. Жизнь в лагере начиналось со слова Великого Хана и, когда он этого хотел, замирала по тому же слову.

Бату поднял глаза и прислушался. За дверью уже раздавался тихий шепот и лязг оружия.

«Ждут...»

– Нохой! – громко позвал Бату.

Полог приподнялся, и в щель просунулось широкое лицо.
– Сапоги мои старые найди, – недовольно буркнул Великий Хан.

Воин нашел сапоги почти сразу – они валялись в углу и были прикрыты клочком женской одежды. Воин помог Бату одеть сапоги. Через пару минут процесс одевания великого Хана был завершен.

– Иди! – Батый кивнул Нохойю на дверь.

Тот метнулся к двери с проворностью собаки (Нохой (монг.) – собака).

Хан посидел еще немного, окончательно собираясь с мыслями. За дверью уже не было слышно ни шепота, ни шороха.

Великий Хан встал. Снова на миг промелькнула было мысль об утиной охоте, свежем воздухе пропитанном озерной сыростью, но тут же погасла, как фитиль утопленный в плошке с маслом.

«Может, потому и не послушал отец деда, а?.. – вдруг мелькнула смутная догадка. – Просто не захотел и все. По-

тухнуть внутри не захотел...»

Великий Хан рванул полог юрты, сделал один шаг и остановился. Все были в сборе – Кадан, Бури, старший сын Субудай-богатура Октай, и командиры туменов. Взгляд Батыя остановился на шамане Нэргуе. Иначе его называли «вестником смерти» и он никогда не приходил просто так, особенно перед началом битвы.

– Что? – коротко спросил его Бату.

Нэргуэ молча поклонился. Уже выпрямляясь, он оглянулся на людей, неподвижно стоящих перед Великим Ханом. Те попятились, и Бату увидел на земле тело Хо-Чана. Почерневшее лицо китайца было искажено так, словно умирая, он думал о чем-то тоскливом и неприятном.

Бату подошел поближе. Он поднял серебряную пайцзу, которую кто-то положил на грудь Хо-Чана. Пайцза была уже без веревочки, на которой ее носил китаец.

– У Хо-Чана разорвалось большое сердце, – пояснил Батью Нэргуе. – Китаец нес большую тяжесть, и его сердце не выдержало.

«Я значит виноват...» – подумал Бату.

Шаман что-то тихо сказал на ухо своему помощнику. Тот присел возле мертвого и грубо, с треском, рванул синюю, очень узкую рубаху китайского мастера, заголяя ему грудь. На левой стороне тела все увидели огромный синяк.

– Так бывает всегда, когда лопается сердце, – сказал Нэргуе.

«А как же ты раньше этот синяк увидел, когда на покойнике была рубаха?» – подумал Бату.

Он нахмурился и молча, нарочито медленно, оглядел лица собравшихся. Все послушно опускали головы. Бату задержал взгляд на лице Кадана. Тот почувствовал это, и Бату увидел, как заходили желваки на его широких, порозовевших щеках.

– Кто будет наводить катапульты на стены города вместо Хо-Чана и ремонтировать их? – без выражения спросил Бату.

Откуда-то сбоку, из-за спины командира тумена кара-ки-таев, шагнул маленький человек в длинной до пят, синей рубахе. Он сделал только один шаг и тут же опустился на колени.

– Я Лю-Чо, помощник Хо-Чана, великий Хан... – совсем тихо начал он.

– Говори громче, – брезгливо оборвал его Бату.

Китаец растерялся. Его взгляд вдруг стал жалким, он затравлено оглянулся назад. На него никто не смотрел. Закрыв глаза, китаец в ужасе прокричал:

– Я Лю-Чо, помощник Хо-Чана, Великий Хан!

Многие в строю засмеялись над заячьей смелостью китайца. Громче всех это сделал Кадан.

– Кто сказал тебе о том, что ты должен выйти? – спросил Бату.

– Твои великие начальники Кадан, Бури и Октай, Великий

Хан. Они говорили с нашим командиром отряда Тэрбишем и он показал на меня.

Голос китайца становился все звонче и оборвался на самой высокой ноте.

Вышел Тэрбиш. Это был низкорослый, широкоплечий воин с твердым, словно вырезанным из дерева лицом. Он низко поклонился и молча, смело взглянул на Великого Хана.

«Молодец, старик!» – усмехнулся Бату.

– Отвечаешь за него, – сказал Великий Хан вслух. Он вдруг с удивлением понял, что уже забыл имя китайца. Бату швырнул серебряную пайцзу Хо-Чана Тэрбишу. – Отдай ему. Если он умрет, я найду его смерть и повешу ее на столбе в центре лагеря. Ты понял меня?

Тэрбиш молча поклонился.

«С этим – все», – решил Бату.

Его взгляд помимо воли вернулся к лицу хана Кадана. Тот уже смотрел на Великого Хана и был готов выйти вперед. Кадан отлично помнил вчерашнее решение Бату и его глаза радостно сверкали в предвкушении схватки.

«Подождешь, – решил Великий Хан. – Ты пойдешь к воротам тогда, когда их разобьют, и будешь стеречь их как собака, пока в город будет входить Бури. А потом ты полезешь на стены, чтобы добить там последних врагов, а Бури будет иметь дело с женщинами и детьми».

– Говорят, что русские, славят своего Бога тем, что жгут свечи в своих храмах, – громко начал Бату. – Я тоже хочу за-

жечь в «злом городе» одну свою свечу, – Бату посмотрел на Лю-Чо. – Ты!.. – он снова не смог вспомнить имя китайца. – Ты зажжешь ее, но не поджигай весь город, пока я не очищу его от врагов. Все его жители должны умереть от монгольского меча. Ты понял меня?..

Китаец низко поклонился.

Великий Хан на минуту задумался. Теперь ему предстояло изложить общий план штурма, но на ум почему-то опять пришла мысль об утиной охоте. На какое-то мгновение Бату показалось, что он услышал плеск воды и шорох крыльев взлетающей птицы.

«Неужели он все-таки выжил?.. Ну, тот лебедь?» – подумал Великий Хан.

Мысль была настолько неприятной, что на какое-то время к Бату вернулась головная боль.

... Трудолюбивые хорезмийцы начали раскачивать огромное, подвешенное на цепях, бревно стенобойной машины, едва из-за горизонта показался первый луч солнца. Обитый железом наконечник бревна все ближе и ближе приближался к обитому железными полосами дереву городских ворот...

17.

Гридя ждал Андрея у крутой лестницы на стену. Не глядя на друга, он молча кивнул ему головой и уставился на землю «Отвел детей к Стояну...», – догадался Андрей.

У него заняло сердце.

– Пошли, что ли? – глухо спросил Гридя и взялся рукой за поперечину лестницы.

Андрей помедлил, рассматривая спину Гриди.

– Весело сегодня будет, – не оборачиваясь, сказал Гридя. –

Татарвы на всех хватит.

«Осмелел, видно...»

Уже вслух Андрей спросил:

– Остальные с Данилой у ворот ждут?

Под тяжестью Гриди скрипнула нижняя поперечина лестницы.

– Ждут...

... Первый, еще не сильный, удар в городские ворота тут же распахнул их. За ними стоял плотный строй русских воинов, ощетинившийся копьями. Они тут же бросились вперед и легко опрокинули хорезмицев, не дав уйти никому из них. Толпа воинов-монголов за стенобойной машиной не ожидала такого мощного напора и попятилась. Данила шел впереди, легко орудуя топором. Огромный «дом» на колесах вспыхнул от пучков просмоленной соломы, из его узких окошек показалось пламя и дым. Его сдвинули с места, пятясь, машина ломала монгольский строй, разрезая его надвое.

Гридя весело блестя глазами, ткнул рукой в сторону ворот и крикнул:

– Пошли наши!

Андрей выругался.

– Куда глазеешь, растяпа?!

Еще раньше, до штурма городских ворот, от берегов Жиздры и Другусны отошли татарские лодки. Татары азартно визжали и улюлюкали, потому что видели на стенах мало воинов. Они быстро пересекли узкую Другусну возле западной и северной стены крепости. Вверх полетели веревки с крючьями на концах. Андрей и его немногочисленные воины рубили их, а снизу, со стороны приближающихся лодок, летели тучи стрел.

– Бойдан!

Андрей оглянулся. Задев Гридю спиной, упал на колени пожилой, вислоусый воин. Чуть ниже его шлема, у виска, торчала стрела. Воин силился поднять меч, но не мог и удивленно оглядывался вокруг мутными глазами.

– Руби, черт, веревки! – закричал Гриде Андрей.

На секунду он бросил взгляд в сторону ворот. Ему показалось, что он увидел широкую спину Данилы и справа Годимира. Татары отступали... Стенобойная машина была уже метрах в тридцати от ворот и густо чадила. Бой кипел и возле нее и чуть дальше, приближаясь катапультам. Татарский строй выгибался дугой в центре, но, отшатнувшись справа и слева от ворот, замер, а на помощь центру уже спешили свежие полки.

«Эх, мало нас!...» – обожгла Андрея обида.

С юга, как комета, прилетел огромный огненный шар, ударил в крышу Никольской церкви, и та сразу вспыхну-

ла ярко-красным, разбойничьим пламенем. Огонь потек по крыше, по-змеиному закручивая вверх узкие, чадающие черным дымом хвосты, а потом по-петушиному взмахнул двумя огромными крыльями. Завеса, прикрывающая давно выгоревшую восточную сторону храма, рухнула, обнажив желтый и мягкий, свечной свет за ней. На какое-то мгновение Андрей увидел толпу народа и священника вздымающего руки у алтаря...

Бой на стене становился все жарче. В плечо Андрея ударила стрела, наконечник пробил кольчугу ниже подмышки и показался ему очень горячим.

На стенах появились первые татары. Гридя рубился сразу с двумя, но не отступал. Андрей поспешил на помощь. Татар сбили с ног, одного убили, второй ужом скользнул в сторону и сорвался с помоста. Справа, шагах в пятнадцати, на стену один за одним поднялись еще трое татар. Оглянувшись по сторонам и не пытаясь вступить в бой, они прыгнули вниз, и пропали за стенами домов и сараев.

– Мы теперь для них вроде пугал! – ощерился Гридя. – Татарва грабить и резать идет, им драться неохота.

К Андрею подскочил рослый, свирепый татарин с темным, словно вымазанным сажей лицом. Ухнув, он опустил саблю на щит Андрея, но схитрил, не вложив в удар всю силу и давая возможность сабле скользнуть вниз. У земли он рванул ее вправо, пытаясь ударить по ноге. Татарин был почти без доспехов (подниматься вверх по веревке не легкое

дело) и Андрея, отбивая чужой удар своим мечом, успел за-
деть им колено врага. Тот взвыл, осел, но тут же подлетел
следующий.

Ударил церковный набат, заглушая звон оружия. Андрей
словно вынырнул из сечи, когда услышал голос Гриди:

– Андрей, они уходят, уходят!..

«Кто уходит?!.. Куда?..» – отрывистая мысль показалась
ему нелепой.

– Уходят!..

Татары прыгали вниз, уже не обращая внимания на деся-
ток оставшихся в живых защитников стены. У них жадно го-
рели глаза, они что-то кричали друг другу, а некоторые тол-
кались, стараясь не пускать других на уже примеченную ими
улочку.

Андрей увидел людей... Они бежали к горящей церкви.
Андрей увидел Ждану и ее мать Владу, прижимающую к гру-
ди крохотного Вятшу, а сам малыш держал в руках кошку.
За юбку Жданы держалась Лада. К большой толпе людей на
улице, ведущей к церкви, стекалась ручейки из переулков.

– Уходят!..

Чуть приоткрылись ворота богатой усадьбы Стояна. Сна-
чала показалось заплаканное, толстое бабье лицо, а потом, на
улицу рыком вытолкали девочку лет семи, которая держала
за руку четырехлетнего малыша. Мимо них бежали люди...
Сначала девочка смотрела на них, а потом побежала следом
вместе с братом.

– Уходят!.. – снова крикнул Гридя.

Страшно сверкнули белки глаз на его грязном лице. Он ударил мечом голову в шлеме, сунувшуюся было из-за стены, потом еще, пока она не исчезла.

– Андрей, там им дорогу перерезать могут, – Гридя показал мечом направо. – Айда, вниз тут мы отвоевались.

Оба – Андрей и Гридя – торопясь, прыгнули еще с середины лестницы. Почти тут же они схлестнулись с татарами, но на тех напали сзади и налетчики отступили в глубину дворов. Из-за татарских спин вынырнули Перко, сильно хромящий Войнята и еще пара юнцов.

– Улицу, улицу держи!.. – крикнул им Андрей.

Он выстроил воинов в линию, перегораживая дорогу. Мимо них, точнее сквозь их редкий строй продолжали бежать люди. Одним из последних ковылял, опираясь на суковатую палку, шел дед Добрыша. Он глянулся, погрозил ей кому-то и снова не спеша пошел вперед.

«Ждана...», – Андрей оглянулся.

Дорога к церкви шла вверх, но среди множества людских спин он так и не смог рассмотреть жену. Людская река текла к горячей церкви, но не к тому кроваво-красному огню, который уже вовсю бушевал над ней, а к другому – небесному и светлому свету, который светился в ней самой.

Из переулка налетели татары. Упал Войнята, один из юнцов принял копьё в грудь, но не упал, а пошел вперед, пытаясь достать мечом того, кто его ударил. Андрей сшиб двух

татар и оттолкнул от Гриди третьего, прыгнувшего ему на спину.

– Сука, сука проклятая!.. – Гридя бил длинным ножом поверженного, пытаясь попасть ему в шею. Тот дико кричал, дергал головой и в его пустых глазах не было ничего кроме ужаса.

Андрей потянул Гридю за собой.

– Не стой, не выдержим тут!.. – крикнул он. – Чуть отойти надо.

Редкая цепь воинов попятилась следом за людьми. Снова налетели татары... Они бежали уже и от городских ворот, а там против них стояла такая же редкая цепь воинов во главе с Годимиром.

«Данила в город вернул...», – догадался Андрей.

– Уходят!.. – крикнул Гридя. – Они уходят! Держи татарву, ребята!

Резались страшно. Ни одна из сторон не хотела отступать.

Гридю свалили на землю ударом копья в живот. Не обращая внимания на рану, он хватал татар за ноги и без звука разевал забитый землей рот. Гридя замер только после того, как его сверху ударили копьем в спину.

Андрей успел увидеть, как упал рослый Годимир, а Перко стрела пробил горло. Что-то огромное и тяжелое обрушилось Андрею на голову. Он ткнул наугад мечом и, кажется, попал, чувствуя, как острое вошло во что-то мягкое.

На секунду, привалившись к забору, он переводил дух.

Страшная боль в голове и во всем теле словно стекала к ногам и делала их тяжелыми и мало послушными. Воины рядом с ним еще рубились с татарвой, отвечая на пять ударов одним.

– Они уходят! – крикнул Андрей.

– Уходят! – ответил ему другой неизвестный и радостный голос.

Андрей засмеялся... Правда, это был не смех, а хрип и справа, поверх его кольчуги во время каждого вдоха, пузырилась кровь. Андрей снова бросился вперед – рубиться. Его свалили ударом на колени, он снова встал и ударил в ответ, потом еще и еще раз.

– Уходят!.. – повторял и повторял чей-то голос над толпой текущей к солнечному свету в кроваво-красном, горящем храме и над редеющей цепью воинов прикрывающих их отход. – Они уходят!..